

ВЛАДИМИР ЕВМЕНОВ

КРАСНАЯ ЛИНИЯ МЕТРО

18+

БЕГИ,
ЛИСИЧКА,
ОН УЖЕ
ЗДЕСЬ

Глазами психопата. Триллеры о разуме убийцы

Владимир Евменов

Красная линия метро

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Евменов В. В.

Красная линия метро / В. В. Евменов — «Эксмо»,
2024 — (Глазами психопата. Триллеры о разуме убийцы)

ISBN 978-5-04-197972-0

От лауреата премии «Русский детектив 2021» и победителя питчинга «Лаборатория саспенса: Экранизации». 2005 год. Молодой врач из Орла Юля Петрова приезжает в Москву. Здесь ей предстоит пройти курсы повышения квалификации и заодно набраться самых приятных впечатлений от столицы. Но одна встреча кардинально меняет все... Как раз в это время в Москве орудует неуравновешенный психопат Александр Колкин. Он охотится на рыжеволосых девушек и делает их своими рабынями, помечая особым кровавым ритуалом. И внешность Юли, к несчастью, точно соответствует его фантазиям. Однако, по характеру девушка совсем не рабыня. Ей удается обмануть Колкина и сбежать. Но маньяк не желает оставить столь лакомый трофей в покое — следит за жертвой, угрожает по телефону... Милиция не в силах помочь, так как девушка страдает прозопагнозией. Она совершенно не различает лица людей и не способна опознать своего преследователя. Отныне Юлина жизнь похожа на ад... «Эта книга заставит вас погрузиться в самые темные глубины больной психики маньяка, узнать, как он мыслит и что чувствует. "Красная линия метро" — неожиданный по стилю психологический триллер, в котором читатель сможет и оказаться внутри убийцы, и увидеть его глазами жертвы». — Александра Маринина

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197972-0

© ЕВМЕНОВ В. В., 2024

© ЭКСМО, 2024

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Евменов

Красная линия метро

© Евменов В. В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Сокольники». Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи», – привычно раздалось из громкогоговорителя вагона метро.

От этого стандартного сообщения все внутри нее сжалось в комок. За доли секунды она ощутила, как по спине побежали мурашки, а вмиг заледеневшие ладони сильно вспотели. Но это было только начало. Следом закружилась голова, сердце застучало в бешеном ритме, а глаза начала застилать мутная пелена. Окружающий мир быстро терял свои очертания. Замерцав тысячами крохотных белесых точек, он превратился в одно большое световое пятно и перестал напоминать привычную картинку повседневной реальности.

Но, к ее величайшему ужасу, на этом не закончилось. Внезапно заложило уши. Войдя в резонанс с несущимся в туннеле поездом, в глубине слуховых проходов появился нарастающий гул, который, едва достигнув пика, исчез, как по щелчку, оставив после себя гнетущее давление на барабанные перепонки. Казалось, что звуки потеряли привычное звучание. Они неестественно сгладились, потеряли объем. Создавалось впечатление, будто невидимый проказник вставил ей в уши мягкие беруши. Что это за приспособление, она отлично знала. Как-то в детстве она их нашла в прикроватной тумбочке бабушки, в свое время работавшей на ткацкой фабрике.

При воспоминании о детстве во рту мгновенно пересохло. И эта сухость напугала ничуть не меньше, чем изменения, произошедшие с организмом ранее. Тщетные попытки сглотнуть ни к чему не приводили – слюна попросту исчезла, словно ее никогда и не было во рту, а язык, казалось, намертво прилип к нёбу.

Все эти странные ощущения придали иррациональному страху совершенно новый оттенок. «Я становлюсь похожа на выжженную пустыню», – именно такая ассоциация показалась ей сейчас наиболее точной.

Однако уже в следующее мгновение восприятие мира вновь изменилось. В нос разом ударили десятки, сотни... нет, неверно – тысячи разнообразных запахов! Это было так невероятно и удивительно, что она на миг забыла о страхе. Даже больше, она этому... обрадовалась. Несчастная знала, что в такие минуты, когда все вокруг меняется до неузнаваемости, только запахи остаются неизменны. Разве что ощущаются они в разы сильнее, чем обычно. В голове молодой женщины проскользнула шальная мысль, что она отлично понимает охотничьих собак. Едва почуяв след зверя и даже не видя добычу, они уверенно преследуют его, несясь сквозь лесные заросли. Действительно, в этот миг панического безотчетного ужаса другая часть ее сознания бесстрастно констатировала, что запах – один только запах! – способен создавать в воображении поистине фантастические картины.

Но только не этот запах. Только не он!

Она вновь ощутила его. Этот запах нес в себе нечто иное, настолько зловещее и пугающее, что, казалось, мог легко довести ее до безумия одним лишь напоминанием о своем обладателе. Жуткий флёр, сотканный из тошнотворных миазмов, стал незримым мостиком, вопреки воле соединившим ее с этим чудовищем.

Это был запах маньяка. И не просто маньяка, а психически больного человека, одержимого непреклонным намерением подчинить себе ее волю. И вместе с тем он был неизбежен, неотвратим, как... сама смерть.

Это был запах ее преследователя – дьявола в человеческом облике по имени Александр.

В течение нескольких последних недель кошмар в метро повторялся раз за разом, как только она подъезжала к станции «Сокольники», расположенной на красной линии Московского метрополитена. Ее вновь и вновь накрывала с головой жутчайшая паническая атака,

которая не отпускала до тех пор, пока она не оказывалась в своей комнате в гостинице-общежитии.

Сейчас она знала твердо лишь одно: ей требуется собрать в кулак все мужество, всю волю, и, пересилив себя, встать и выйти из вагона. А затем, поднявшись наверх, пересечь Сокольническую площадь и как можно скорее попасть на автобусную остановку. Но это еще не все. Проехав с десятков остановок, она должна выйти около шестнадцатизэтажной «свечки» гостиницы-общежития, располагающейся на границе лесопарковой зоны Сокольнического парка, и как можно скорее – да хоть бегом! – попасть внутрь здания. Все. После этого можно будет наконец спокойно выдохнуть и позволить себе немного расслабиться.

Но, как всегда, именно последний отрезок пути давался ей труднее всего. Он был поистине самым страшным испытанием за весь дневной маршрут. Она безумно его боялась, поэтому лишь от одной мысли, что ей сейчас предстоит совершить, молодую женщину бросало в дрожь.

«Нет, только не он! Господи, только не этот запах! Откуда он здесь взялся?!» – запаниковала она.

Среди многообразия запахов, витавших в воздухе подземки, по какой-то неведомой причине именно его она ощущала сильнее всего. Это была смесь чесночного перегара, едва различимого, но едкого запаха гари, кисловато-сладкого до приторности запаха мужского пота и столь неподходящей для такой компании изысканно-дорогой вуали брендовой парфюмерии. И вот это неудобоваримое мерзкое амбре буквально мгновение назад вновь появилось в воздухе вагона. Ей казалось, что еще секунда, и оно заполнит собой каждую клеточку ее молодого тела, а затем проникнет в душу и навсегда там останется, заставляя чернеть от ужаса, который пришлось недавно пережить.

Она не желала этого помнить. Не же-ла-ла!

«Нет, только не это! Я не выдержу! Как он мог здесь очутиться, в том же самом вагоне, что и я? Как ему вообще удалось найти меня в метро?! Это просто невероятно!» – Вопросы, не находящие ответов, вытесняли из сознания последние отголоски критического мышления.

Метро... А ведь еще недавно этот город под землей казался ей крепостью, защитой, надеждой. Только здесь, в подземке, она по-настоящему чувствовала себя в безопасности. Вокруг сновали люди – толпы, миллионы людей. Незнакомые, отстраненные и находящиеся в своих мирах, но такие понятные, абсолютно реальные люди со своими радостями и проблемами. В конце концов, есть еще сотрудники метрополитена, милиция. А там, наверху... Нет, не следует об этом даже думать!

Едва живая от страха пассажирка московского метро принялась нервно крутить головой. «Где же он? Где он притаился? Почему я его не вижу?» – металась молодая женщина, совершенно не зная, что предпринять дальше.

Очень скоро она поняла, что больше не высматривает преследователя. Теперь она скорее вынюхивает его, точь-в-точь как служебная собака. На зрение она больше не надеялась. Сфокусировать должным образом близорукий взгляд у нее не получалось, а носить очки с большими диоптриями незамужняя девушка стеснялась, перестав ими пользоваться еще с институтской поры. Но самое главное, ее зрительная память...

Впрочем, сейчас это не так уж и важно.

Сколько подобное «вынюхивание» продолжалось бы, сказать трудно. Вскоре в окнах вагона замелькали фонари, а следом показались такие знакомые ей кафельные стены станции «Сокольники». Электропоезд стал притормаживать и, проскользнув вдоль перрона, остановился. Пассажиры вышли из спячки и дружной толпой двинулись к выходу.

И тут она ощутила, как незримая воздушная стена так пугающего ее мужского запаха начала медленно приближаться к ней.

Ближе... еще ближе... Сейчас она его увидит!

«Где же, где же он? Почему я его не вижу?!» Она притихла и как будто приклеилась к сиденью. «Это же моя станция! Мне надо выходить! Что же делать?.. Нет, я никуда не пойду, я останусь в вагоне! Здесь он точно не посмеет меня тронуть!» Она спрятала лицо в ладони и склонила голову, по-детски вжав ее в плечи. Однако этого ей показалось мало, и тогда, ссутулившись, она опустила голову практически к коленям, зажмурила глаза и, едва дыша, стала мысленно готовиться к худшему.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Преображенская площадь», – оповестил бесстрастный электронный голос. Двери вагона захлопнулись, и поезд двинулся дальше.

– Девушка, с вами все в порядке? – Сердобольная старушка слегка потеребила ее по плечу.

Молодая женщина открыла глаза и испуганно подняла голову.

– Я не знаю, – честно призналась она и сразу же начала озираться по сторонам.

Запах, так напугавшего ее, в вагоне больше не было. Как не было и самого незримого преследователя. «Придется добираться до дома другой дорогой...» – рассудила она, и эта мысль ее успокоила.

Глава 1

*Три месяца назад,
26 января 2005 года.*

«Станция «Сокольники». Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи».

Юля Петрова, молодой врач-терапевт из Орла, вышла на перрон и, с любопытством оглядевшись по сторонам, уверенно направилась в сторону таблички с надписью «Выход в город». Одной рукой она катила небольшой темно-красный клетчатый чемодан, а другой – сжимала листок с нарисованным планом-схемой проезда до гостиницы-общежития для врачей, слушателей курсов переподготовки. Туда ей, собственно, и требовалось попасть.

В ушах молодой женщины виднелись наушники-капельки фирмы «Sony», в которых звучала ее любимая музыкальная композиция в исполнении Джоан Осборн. Этот саундтрек из нашумевшего американского фильма «Ванильное небо» она была готова переслушивать бесконечное количество раз.

What if God was one of us?
Что, если бы Бог был одним из нас?
Just a slob like one of us?
Таким же лентяем, как мы?
Just a stranger on the bus
Незнакомцем в автобусе,
Trying to make his way home?
Едущим домой?
Like a holy rolling stone
Как святой кочевник,
Back up to heaven all alone.
Возвращается на небеса в полном одиночестве.

Юля бодро шагала вперед, и ей казалось, что весь мир распахнул свои объятия навстречу ей. Да и о чем, собственно, можно думать в двадцать пять лет? Институт и интернатура позади, ты – самостоятельный доктор, пусть и с маленьким, но практическим опытом. Но самое главное – ты молода, свободна и полна сил. Да что там сил – ты готова одним взглядом сдвигать горы и влюблять в себя всех мужчин на свете! Пусть только попробуют пройти мимо! Э-ге-ге, Москва, привет! Столица, встречай меня! Ву-ху-у! Я иду тебя покорять!

– Вах, красавица, стой! Не проходи мимо! Такой шаурмы ты не попробуешь больше нигде, кроме как в моей палатке! Мамой клянусь! – раздалось откуда-то сбоку, едва она вышла из подземки. – Вах, какой волшебный цвет волос! Женюсь! Точно говорю, женюсь!

Она повернула голову на голос и с удивлением посмотрела на забавного уличного продавца шаурмы. Тот, высунувшись чуть ли не наполовину из окошка торгового киоска, продолжал восхищенно цокать языком. Это был седоватый армянин чуть за пятьдесят с хитрющими темно-кариими глазами и большим, немного горбатым носом. Цокая языком и причмокивая губами, он посылал ей воздушные поцелуи, при этом то и дело поправляя бесформенный белый колпак, так и норовивший свалиться с его качающейся головы.

– Это вы мне? – улыбнулась Юля и непроизвольно поправила рукой свои выглядывающие из-под шапочки непослушные медно-красные волосы.

Внезапно она поняла, что дико проголодалась. Ароматы, исходящие от крутящегося на электрическом гриле мяса, в этот морозный день показались ей особенно волшебными. Не удержавшись, она подошла поближе и шутливо поинтересовалась:

– Ну и с чем здесь у вас шаурма? Свинина или?..

Договорить она не успела, поскольку хозяин сделал озабоченное лицо и со всей серьезностью заявил:

– Вах, обижаешь, красавица! Неужто ты думаешь, что Жорик Сарсян чем попало торговать будет? Смотри! – Он ткнул коротким толстым пальцем в какой-то бланк, приклеенный скотчем к углу витрины. – Видишь, написано: «ИП Сарсян Г. А.»? Это я и есть! Так что не бойся, покупай шаурму – пальчики оближешь! Один раз попробуешь и будешь всегда только у меня покупать! Фирма!

Он смешно расширил свои и без того чуть навывкате глаза. Причем, видимо, перестарался, отчего его брови полезли на лоб в буквальном смысле.

Не выдержав кавказского очарования, Юля опять улыбнулась, теперь уже более открыто и дружелюбно. Этот человек ей определенно чем-то нравился.

– Хорошо, уважаемый, уговорили. Давайте вашу фирменную. А заодно подскажите, где тут останавливается семьдесят пятый автобус?

– Да тут совсем рядом, – уже занявшись приготовлением мясной закрутки, ответил Сарсян. – Нужно пройти через Сокольническую площадь мимо Воскресенского храма до самого конца, а потом свернуть направо.

Как заправский фокусник, отточенными до автоматизма движениями рук он стал отсекал от крутящегося гриля тонкие пласты прожаренного мяса. И как только они оказались на подносе, в мгновение ока практически невидимыми для глаз молниеносными движениями ножей он виртуозно превратил их в аппетитное крошево, при этом напевая и добавляя в песню какие-то незнакомые Юле слова на армянском языке. И хотя значения этих слов она не понимала, вкупе с лихой сноровкой в приготовлении аппетитного блюда они показались ей органичными и естественными.

Завершив приготовление начинки, несколькими ловкими движениями Сарсян завернул все в большой лаваш, обернул его пищевой бумагой и вместе с салфеткой галантно протянул из окошка.

– Ну-ка, красавица, держи чудо-шаурму! Эх, сам бы сейчас съел, да нельзя! Жена говорит: «Ты свое уже в молодости съел! Вон, какой живот – скоро в дверь не пройдешь!» Да и дух чесночный, говорит, потом из квартиры ничем не выгонишь. Вах, ну что за женщина?! А я ведь, красавица, знаешь, люблю в шаурму еще кинзы и обязательно чесночка добавить. Вах! – Он опять причмокнул. – Божественный вкус получается! Правду тебе говорю! Слушай, а может, тебе еще чесночную шаурму сделать? Это моя фирменная!..

– Нет-нет, спасибо. Я чеснок не особо люблю, – быстро перебила его вежливым отказом Юля, которая чеснок терпеть не могла из-за его специфического запаха, остающегося во рту после еды.

Расплатившись со словоохотливым продавцом и с упоением поглощая на ходу свой первый московский обед, она неторопливо двинулась через Сокольническую площадь.

Через полчаса Петрова добралась до своей конечной цели. Здание гостиницы-общежития оказалось старым советским архитектурным проектом еще, наверное, начала семидесятых годов, но располагалось в очень уютном месте. Жилая застройка поблизости отсутствовала, лишь чуть поодаль виднелась крыша какого-то административного здания. Зато, насколько хватало глаз, во все стороны простиралась обширная лесопарковая зона. И пускай на дворе стояла глубокая зима и все было укрыто сугробами, в ярком свете январского солнца это белое искрящееся великолепие показалось ей ослепительно-прекрасным.

«What if God was one of us?» – не заметив, начала она произвольно напевать вслух. Оставив на пустынной автобусной остановке свой дорожный чемодан, она подняла вверх руки и дважды прокружилась на расчищенной асфальтовой дорожке. Затем еще раз, еще... Этот внутренний позитив и тихая радость новизны не отпускали ее сегодня с самого утра. Точнее, с того момента, как она ступила в салон вагона скоростной электрички с конечной остановкой на Курском вокзале Города-героя Москвы.

Продолжая тихонько напевать, Юля добралась до дверей гостиницы-общежития, прошла в небольшой холл и с деловым видом направилась к стойке дежурного администратора. Блондинистая тетушка в белой блузке и очках «под золото», словно приклеенных к кончику носа, строго взглянув на очередную постоялицу через стеклянный экран администраторской стойки, безапелляционно изрекла:

– Девушка, сразу хочу вас предупредить, что в нашей гостинице строгие правила.

Видимо, это было ее традиционное приветствие вместо невнятного и давно набившего оскомину «Здравствуйте, чем я могу вам помочь?»

– Учтите, в двадцать три ноль-ноль дежурный администратор закрывает входную дверь на ключ и до шести утра никого не впускает. Надеюсь, вам это ясно? – Как заправский психолог, она пытливо взглянула на Петрову, словно пыталась считать реакцию с лица молодой женщины на свое громогласное заявление. – Так что, если будете опаздывать – пеняйте на себя, ночевать придется на улице. И никакие просьбы, никакие уговоры и все такое прочее вам не помогут. Правила проживания в нашей гостинице-общежитии едины для всех.

– Конечно, мне все понятно, – миролюбиво согласилась Юля, послушно кивая.

Она отлично знала людей подобного типа, как эта сварливая администраторша. В беседе с такими личностями главное – не спорить и во всем соглашаться. Побурчав минуту-другую и подчеркнув этим важность собственной персоны, они, как правило, успокаиваются и превращаются в обычных людей, с которыми вполне можно вести конструктивный диалог.

Так в итоге и получилось. И спустя двадцать минут Петрова уже стучала в дверь комнаты-«двушки» на пятом этаже, что само по себе было отличным исходом, поскольку свободных номеров в наличии оказалось крайне мало, да и все они располагались исключительно на последнем этаже. Учебный сезон давал о себе знать, а снимать жилье, а уж тем более селиться в столичных гостиницах для начинающего терапевта с периферии – непозволительная роскошь.

Соседкой по комнате оказалась милостивая женщина немного за пятьдесят, доктор психиатр из Самары, которая так же, как и она, приехала на учебу. Правда, в отличие от Юли она получала сертификат по другой причине. Как частнопрактикующему доктору ей требовалось раз в пять лет проходить полный цикл переподготовки.

– Мария Сергеевна Зорко, врач психиатр-нарколог, психотерапевт, – представилась женщина.

– Юлия Петрова, терапевт. Вот, приехала на «первичку» по гастроэнтерологии, хочу стать узким специалистом.

– Вот и отлично! Надеюсь, за ближайшие месяцы мы не успеем друг другу надоест, – пошутила соседка. – Кстати, Юль, а как вы относитесь к выставкам, музеям, театрам?

– Положительно, – твердо заявила Петрова, радуясь тому, что теперь ей будет с кем прогуляться по столице. – Хочу за время учебы побывать везде. Я же в Москве только в раннем детстве была, поэтому один лишь зоопарк и запомнила. Да и то из-за мороженого – очень уж оно там вкусное было...

– Что ж, это просто замечательно. Надеюсь, мы с вами с пользой проведем время. Располагайтесь, Юленька, не буду вам мешать.

На этом их первое знакомство было завершено.

Глава 2

Конец октября 2004 года.

Высокий брюнет с длинными волосами, стянутыми на затылке резинкой «под колючую проволоку» и ковбойской повязкой на лице нехотя сунул руку в карман своей яркой «дутой» куртки. Достав пачку «Camel» без фильтра, он сдвинул повязку в сторону и небрежно сунул сигарету в рот. Гоня языком по рту табачные крошки, мужчина сладко улыбался в предвкушении предстоящего удовольствия.

Нет, дело было не в банальном сигаретном дыме, который с огромным наслаждением он глотал раз по сорок в день. Причина была иного рода. Впереди его ожидало развлечение куда круче пагубной, как уверяли его лечащие врачи, привычки. Впереди его ждал... секс. Нет, совершенно не тот, какой может представить себе среднестатистический гражданин. Увы, какой бы бурной ни была ограниченная моральными принципами человеческая фантазия, вряд ли кто-нибудь может догадаться, о чем именно идет речь. Хотя, конечно, секс в традиционном понимании этого понятия, несомненно, присутствовал в жизни молодого человека, куда же без этого. Физиология тридцатилетнего мужчины требовала свое, и поэтому удовлетворял он свои половые потребности регулярно. Только настоящим сексом он это не считал, называя сие скучное действо «унылым призывом природы к размножению». Истинное удовольствие он мог получить лишь тогда, когда был на взводе. Что значит «быть на взводе», брюнет и сам до конца не понимал. Зато прекрасно ощущал это волшебное состояние, шепчущее из глубин подсознания настойчивым зовом: «Пока ты молод – бери от жизни все». И он брал. Выжимал из жизни все соки, поскольку до безумства любил это особенное состояние, когда каждая клеточка буквально кипела от дичайшего возбуждения, выпуская в пространство миллиарды невидимых флюидов. Как безапелляционно заявлял он своим приятелям, его любовные флюиды всегда оказывали безупречное воздействие на противоположный пол, осечек не бывало никогда.

В гендерных предпочтениях он был вполне традиционен: ему нравились молодые грудастые девушки. Особенно его привлекали красотки с огненно-рыжим или медным отливом волос. Впрочем, брюнетки и блондинки также были не редкостью в весьма специфической коллекции его плотских утех.

Но больше всего его заводил не цвет волос и не внешность. Главным критерием своих сексуальных фантазий он считал специфический образ женщины, созданный его воображением. Его возбуждали мысли о том, что с ней станет, если она посмеет послушаться его. Именно подавление воли посредством грубого насилия привлекало его больше всего, доставляя ни с чем не сравнимое удовольствие. От одной только мысли о тех увечьях, которые он мог в любой момент нанести, садиста начинал бить неконтролируемый озноб возбуждения.

Молодой человек добыл из кармана зажигалку в виде человеческого черепа и неторопливо прикурил сигарету. Но не успел он сделать и пары затяжек, как за спиной громко хлопнула дверь развлекательного заведения и женский голос позвал его по имени.

Сегодня в московском ночном клубе «Миранда» была «технопятница» – рейв-вечеринка, которую раскачивали два крутейших столичных диджея.

Этих самовлюбленных попугаев он лично не знал, но был неплохо знаком с их постоянными сменщиками. Те точно были парни что надо, жгли всегда по-взрослому. К тому же он частенько их встречал и в других столичных клубешниках. Однако, следует отдать должное, «Миранда» была для него особым местом.

Долговязый брюнет невольно улыбнулся, вспомнив одно из выступлений диджеев месяц назад.

Да, славно он тогда повеселился. Чего только стоил трофей, который он увел из клуба под утро. Начинаящая амфетаминщица Алена развлекла его по полной программе. Жаль только одно: едва ее отпустило, как из послушной зайки она превратилась в яростную тигрицу. «А вот этого делать было не нужно, – подумал он. – Зря она так. Не повезло бедняжке. А как хорошо все начиналось! С виду была прямо настоящая Аленка с шоколадной обертки. Шоколадная Аленка...» От нахлынувших воспоминаний он мечтательно вздохнул.

– Александр, я готова! Какой у нас следующий номер в программе? – с капризными нотками в голосе послышалось у него за спиной.

Крашенная в розовый цвет девушка лет двадцати пяти снизу вверх вопросительно взглянула на курящего мужчину. В ярко-желтых джоггерах, лонгсливе кислотного цвета и наброшенной на плечи шубе-бомбере аквамаринového оттенка она выглядела ярко и вызывающе, как того и требует рейв.

– Катюля-кисуля, прежде чем мы отправимся в одно волшебное место, я хочу показать тебе ночную Москву. Ты ведь не москвичка, я это сразу заметил.

Молодая женщина недовольно сморщила аккуратный прямой носик, чуть поджала ярко накрашенные губы, но спорить не стала. Вместо этого лишь уклончиво протянула:

– Пока не москвичка...

С удовлетворением отметив ее реакцию, мужчина продолжил:

– Я имею в виду настоящую Москву, детка. Не ту, которая мелькает в окне вагона метро или навеки застыла на фотографиях. Нет. Я хочу показать тебе сердце столицы. Ее легкие, почки, желудок...

В этот момент он отчетливо ощутил, что легкий голод дает о себе знать.

Скоро уже будут сутки, как он ничего не ел, хотя до этого момента чувствовал себя прекрасно. Периодически падавший в желудок амфетамин начинал действовать незамедлительно: энергия перла, а голод и усталость напрочь пропадали.

– Что ты так удивленно на меня смотришь? Да, у Москвы есть желудок. И там, знаешь ли, неплохо кормят. – Он непринужденно рассмеялся. – А если будешь хорошо себя вести, я покажу тебе и ее интимные места. Москва – она же женщина. А раз так, значит, ей требуется настоящий мужчина. – Тут он задумался и с хитрой улыбкой уточнил: – Причем, дорогуля, не простой мужчина. Она ведь – Москва то есть – капризная натура, и не каждый ей сгодится в бойфренды. Зато если счастливчик найдется, то она станет... – Он задумался, подбирая правильное сравнение.

Хотя на самом деле ему просто потребовалась небольшая пауза, поскольку мысли скакали, как цирковые лошади, – быстро и четко, но, к сожалению, по кругу. Причиной этого явления был все тот же амфетамин.

– Она станет как шелковая, – наконец-то выскреб он откуда-то из задворков сознания подходящее слово.

В ожидании эффекта от своей речи он внимательно посмотрел на рейвершу. Та же, видимо, находясь на своей волне, да к тому же, как и он, под действием психостимуляторов, на слова о Москве не обратила никакого внимания. Продолжая пританцовывать на мокрой после прошедшего дождя улице, она что-то весело напевала себе под нос.

До нее сейчас вообще плохо доходил смысл всего происходящего. Ее больше волновало другое. Александр ей определенно нравился. Он был из той породы парней, которые ей всегда импонировали: веселый, обаятельный, в прикольном модном прикиде, чуть странноватый и не жадный до денег. А самое главное – он был коренным москвичом, а значит, весьма перспективным кандидатом в будущие мужья и шансом на получение такой желанной столичной прописки.

Окончив университет в родном городе, Катюша уже полгода снимала в складчину с подругой однушку где-то далеко за МКАДом. Работа менеджером в офисе одной из москов-

ских риелторских компаний много денег не приносила, не позволяла развернуться на широкую ногу, как она мечтала. И дело даже не в том, что аренда жилья отбирала половину огромной, по меркам ее малой родины, зарплаты, а на дорогу до офиса и обратно домой она тратила каждый день больше трех часов. Тут был вопрос принципа. А все потому, что однокурсница Ольга, вместе с которой они прикатили «покорять Москву», быстрее ее сориентировалась в столичных реалиях. Буквально через пару месяцев она умудрилась захомотать коллегу по работе, ботана-очкарика Сергея из соседнего отдела. И теперь, став его законной женой и заполучив московскую прописку, получала зарплату в два раза выше, чем Катя, выполняя точно такой же объем работы. «И где тут, спрашивается, справедливость? – возмущалась в душе Катя. – И все из-за какой-то сраной прописки! Объем работы с клиентами и количество выездов на объекты у нас ведь абсолютно одинаковые!»

– Я согласна, – широко улыбнулась она идеально ровными после недавнего снятия брекетов зубами. – Погнали! Показывай Москву!

– Окей, – удовлетворенно кивнул Александр. – Тогда давай, кисуля, на дорожку закинемся еще по одной и двинем к метро.

– Ты же говорил, что приехал на машине! – удивилась девушка.

– Да ну ее... Гулять так гулять!

Он полез во внутренний карман куртки, пошарил там и извлек на свет небольшой стеклянный пузырек. Открутив крышку, брюнет высыпал на ладонь две пузатенькие голубенькие таблеточки.

– Угощайся, – подмигнул он розововолосой девушке. – Я уверен, такого ты еще точно никогда в жизни не пробовала.

И вновь закурил свой любимый «Camel» без фильтра.

Он знал, после этих волшебных колес Катя уже ни за что не соскочит с крючка.

* * *

– Саша! Саша, не надо!!! – Истошный визг эхом отразился от грязных облезлых стен какого-то производственного помещения.

Где-то за стеной раздавался непрерывный, постоянно меняющий тональность гул. Создавалось впечатление, словно тысячи крохотных живых существ в неистовом вое затянули разом какую-то заунывную ритуальную песню. Да-да, именно ритуальную, поскольку помимо зловещего звука вся комната была наполнена выраженным запахом гари.

– Я буду, буду послушной! Я сделаю все, что ты скажешь! Только, пожалуйста, не бей меня больше! – голосила девушка, стоя на коленях со связанными за спиной руками. – Не надо!!!

– Ты зря стараешься. Кричи не кричи – тебя здесь никто не услышит. В этой части здания, кроме нас с тобой, никого больше нет. Да и тот старик, которого ты видела на проходной, ничем тебе не поможет. Даже если его кто-нибудь спросит, видел ли он тебя нынешней ночью, он однозначно ответит «нет». Знаешь почему?

Договорить он не успел. За стеной что-то ухнуло, и монотонный гул заметно усилился.

– Вставай и пошли. Печь уже набрала градусы.

Напуганная до смерти Катя зарыдала еще громче и заметалась из стороны в сторону, пытаясь ослабить путы. От всколыхнувшего ее животного страха и ощущения фатальной неизбежности, не в силах больше терпеть нужду, она обмочилась прямо на глазах у своего мучителя.

– А вот это ты сделала зря. Весь кайф мне хочешь обломать?

Брюнет угрожающее навис над несчастной. Глаза садиста полыхнули огнем, а пляшущие от принятого наркотика зрачки налились холодной яростью. Без размаха, коротким и сильным

движением он хлестко ударил пленницу по лицу рукой, обтянутой в хирургический латекс. Кровь, брызнув из разбитых губ, испачкала новенький лонгслив.

Катя ойкнула и сжалась в комок в ожидании следующей оплеухи. Из всех сил стараясь подавить накатывающие рыдания, она в страхе зажмурила глаза. Но нового удара не последовало. Вместо этого Александр обтер кровь на перчатке об ее шубку, обхватил за плечи и, приподняв, резким движением поставил на ноги.

– Вперед, – коротко скомандовал он и толкнул ее в спину, направляя в сторону дверного проема. – Шагай, шагай... Сейчас я покажу тебе место, где Москва обычно... заканчивается.

Пройдя по узкому грязному коридору с обшарпанными стенами, на которых, оголяя штукатурку, пластами свисала старая краска, они вошли в просторное помещение. Едва они там оказались, Катю мгновенно обдало нестерпимым жаром. Не отдавая себе отчета, что делает, она отпрянула назад, инстинктивно отворачиваясь от источника раскаленного воздуха. Однако мучителя это только позабавило. Схватив ее в охапку, одним рывком он вернул Катю в прежнее положение и шагнул вместе с ней в сторону раскаленного агрегата.

Теперь Катя четко осознала, что перед ней находится огромная печь с приоткрытой дверцей. Исходящий из огненного жерла запах был поистине ужасающ. Если воздух в соседней комнате был просто наполнен запахом гари, то здесь к удушающему дыму примешивался еще и тошнотворный оттенок, мгновенно вызвавший у нее образ обуглившейся плоти. «Да это же крематорий!!! – мелькнула пугающая мысль. – Вот куда он меня притащил! Он что же, сжечь меня надумал?!»

Катя принялась затравленно озираться по сторонам. В дальнем углу комнаты она обнаружила новую жуткую находку. Большие целлофановые пакеты с больничными бирками были доверху набиты какими-то внутренними органами и отрезанными частями человеческого тела.

«Надо бежать! Надо немедленно отсюда бежать! – стучала кровь в висках Катерины. – Ноги... у меня же свободны ноги!» Ринувшись в сторону дверного проема, она вложила в рывок все силы, которые еще оставались. Но все оказалось тщетно – сильные мужские руки крепко удержали ее, не оставив ни единого шанса на побег.

– Куда это ты собралась? – усмехнулся садист, с легкостью удерживая на месте отчаявшуюся жертву. – Все входы и выходы заперты. Бежать, Катюля, просто некуда. Ты лучше прими свою судьбу и уповай на мою милость. Глядишь, и останешься в живых.

Мысль о том, что у нее есть шанс на спасение, как по мановению волшебной палочки, придала ей сил. Бросив умоляющий взгляд, она послушно закивала и, как заведенная, начала твердить одно и то же:

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

– Становись на колени, – резко скомандовал Александр.

Как хорошо обученная собака, Катя послушно рухнула на грязный цементный пол и, склонившись к ногам мужчины, прижалась к ним щекой.

– Не надо, не надо... – бормотала она сквозь сбивающие дыхание рыдания.

– Итак, кисуля. Поскольку сегодня ты вела себя плохо, будешь наказана. Но на первый раз я ограничусь лишь... – Упивающийся безграничной властью маньяк прервался, ощущая мощный прилив полового возбуждения. – На первый раз я ограничусь лишь твоими розовыми локонами.

Он достал короткий охотничий нож, расчехлил его, поднес к глазам и полюбовался покрытой патиной поверхностью клинка. Далее садист действовал быстро и умело. Слегка прижав лезвие к коже лба по линии роста волос, он, как заправский цирюльник, сделал сильное плавное движение. Нож был заточен идеально, поэтому никакой боли – чего так боялась Катя – в этот момент она не ощутила. Зато вскоре поняла, что теперь от лба до затылка у нее протянулась широкая, небрежно выбритая полоса.

Все время, пока длилась экзекуция, бедняжка молила о пощаде. Правда, просила о милости она не злодея, который отрезал ей волосы. Девушка обращалась к высшим силам. Смирно закрыв глаза, Катя молилась, хотя не знала ни одной молитвы. Впрочем, для нее это было и неважно, поскольку сейчас она хотела одного – забыться и ни о чем не думать, словно происходило все это не с ней, а с кем-то другим. Но вскоре молитва сошла на нет. Да и самовнушение помогало плохо. Вкупе с бурлящим в крови амфетамином психическое состояние жертвы упрямо толкало ее на грань потери рассудка. Держась из последних сил, Катерина лелеяла надежду, что все обойдется, боясь даже подумать, какая новая блажь может прийти в голову Александра.

А вошедший во вкус маньяк тем временем продолжил свои издевательства. Сходив куда-то в угол комнаты, он вскоре вернулся с длинными металлическими щипцами. Ловко подцепив ими с пола отрезанную прядь женских волос, он рявкнул во весь голос, стараясь перекрыть гудящую басами печь:

– Открой глаза, дура! Смотри внимательно, что будет с тобой, если ты посмеешь меня слушаться!

Ухватив несчастную за волосы, он грубо развернул ее лицом к печи, после чего вытянул руку с зажатыми в ней клещами и медленно поднес волосы к жерлу. Еще не успев очутиться в створе кремационной части, они полыхнули, как порох, ярким оранжево-желтым пламенем. Секунда, и... лишь невесомый серый пепел – вот и все, что осталось от длинной крашеной челки молодой красавицы.

– Теперь тебе все понятно, Катюля-кисуля? – прокричал в ухо трясущейся от страха девушке безжалостный монстр. – Смотри у меня, не вздумай в ментовку обращаться! – Немного подумав, он добавил: – Это дело бесполезное. Они меня все равно найти не смогут. Зато я тебя найду и накажу. И не как сегодня, а намного больше и страшнее. Поняла? Запомни, дурочка, с этого момента ты моя рабыня. И только моя. Можешь не сомневаться, я буду за тобой следить. – И, неожиданно для Кати, он поцеловал ее в мочку левого уха. – А это я тебя пометил. Теперь, если ты сделаешь что-нибудь не так, как я сказал, твоим следующим наказанием будет... – Александр хищно улыбнулся. – Я просто отрежу тебе эту мочку. А вот если ты и этого не поймешь...

Он поднес губы к уху девушки и что-то громко прошептал. Тихо ойкнув, Катя обмякла и, лишившись чувств, снова осела на пол.

Предел ее прочности закончился. Даже наркотики-стимуляторы больше не помогли. Она сдалась окончательно и бесповоротно.

* * *

С удовлетворением оглядев лежащую без чувств на бетонном полу новую рабыню, Александр засуетился. Он быстро достал из кармана телефон и несколько раз сфотографировал Катю. И хотя он мог наслаждаться этим моментом сколько его душе угодно, он отлично помнил, что нужно спешить. Сменив перчатки и бросив испачканную кровью пару в раскаленную топку, он торопливо извлек из кармана пачку презервативов. Руки заметно тряслись.

Но не успел он расстегнуть ремень на брюках, как взгляд его упал на маленький глянецовый прямоугольник, валяющийся на полу рядом с Катей. «Наверное, выпала из кармана ее шубы», – решил он и поднял визитку. То, что это была именно Катина визитная карточка, он несколько не сомневался – на ней стояли ее инициалы, а также название и адрес фирмы, где она работала. «И кто же ты у нас такая? – полюбопытствовал брюнет. – Ага, менеджер-консультант по вопросам недвижимости. Та еще работенка...»

Усмехнувшись, он сунул визитку в карман брюк и вновь перевел взгляд на лежащую в беспамятстве девушку. Он ликовал. У него опять все получилось! Он вновь не ошибся с

выбором жертвы! «На роль рабынь нужно выбирать исключительно приезжих. Их всех выдают глаза. Они родились в дерьме, жили в дерьме, поэтому так и стремятся в Москву. Думают, здесь им рады. А у этой – могу биться об заклад – наверняка папаша был таким же извергом, как и мой. – Тут он задумался. – Только я это принял и с этим живу, а она, видимо, до сих пор нет. Но ничего, я все исправлю. Я ее вылечу от этого страха. Я их всех вылечу...» От этой мысли ему стало хорошо и... больно. Нестерпимые спазмы в паху все настойчивее призывали к активным действиям.

Не в силах больше сдерживаться, Александр трясущимися руками стал торопливо расстегивать брюки. Делать это в резиновых перчатках было непривычно, но он не обращал на это внимание. «Скорее, скорее, иначе можно не успеть... Как в прошлый раз, когда все прошло настолько хорошо, что...» То, что преждевременное семяизвержение произошло в трусы, его тогда сильно расстроило. В этот раз он желал не ударить в грязь лицом перед самим собой. «Нет, в этот раз я должен успеть... Успеть!.. Да!!!»

Глава 3

На следующий день Александр был занят, у него была суточная смена на основном месте работы. Проведать новую знакомую, а заодно получить очередную порцию садистского удовольствия он решил в понедельник, ближе к вечеру.

Хорошенько выспавшись после «суток», он весь день провел, лежа на диване перед большой плазмой, просматривая новые диски со своими любимыми ужастиками. Как страстный любитель подобного жанра он специально откладывал на потом просмотр купленных по случаю новинок, считая, что хорошее кино нужно смотреть не спеша, как говорится, с чувством, с толком, с расстановкой. Откуда он знал эту фразу, точно не помнил, но считал ее очень верной, правильно описывающей подход к фильмам. Да, хоррор он любил больше всего. Возбуждал он, конечно, не столь сильно, как реальные делишки, но именно в нем его извращенный ум находил много такого, что приятно щекотало расшатанные болезнью нервы.

А нервы у тридцатилетнего мужчины были не в лучшем состоянии. Точнее, не сами нервы, а общее состояние его нервной системы. Она представляла собой качели. Туда-сюда, туда-сюда. И так на протяжении многих лет. Хотя, по правде говоря, ему больше нравилось другое сравнение – американские горки. Когда, добравшись до самой верхней точки подъема, на миг там задерживаешься и ощущаешь ни с чем не сравнимый восторг, в следующую секунду летишь вниз головой в пугающую бездну, абсолютно не зная, что там тебя ждет.

Правда, сам Александр с прискорбием признавал, что падение в бездну захватывает только в самом начале, поскольку затем обычно начинаются серьезные психологические проблемы. Самая худшая из них – жесточайшая черная депрессия. Ее он ненавидел всеми фибрами души, поэтому боролся с ней как мог. В какой-то момент он даже согласился пить эти чертовы таблетки, которые ему прописал лечащий врач психиатр.

Только вот даже они помогали не всегда. И тогда он шел на крайнюю меру – начинал принимать психоактивные вещества. И первым в линейке таких «лекарств» стоял амфетамин. Он быстро давал ему прилив сил и отлично улучшал настроение. Но была в нем и большая потаенная опасность: всякий раз, как только он пытался с него соскочить, тут же возвращалась депрессия. Тогда он действительно оказывался на самом краю пропасти, почти беспросветно думая о суициде.

Александр знал, что причина его душевного расстройства – болезнь, которую он унаследовал от матери. Та тоже имела схожие психические проблемы, правда, в отличие от него даже не пыталась с ними бороться, почти беспросветно пребывая в молчаливо-угрюмом, подавленном состоянии. К врачам мать не обращалась принципиально, заливая проблемы крепким дешевым алкоголем. Улыбалась она редко, зато если вдруг на нее напал приступ безудержного веселья, то все – держись округа и соседи по подъезду. Пьянки-гулянки могли длиться неделями, пока не заканчивались все припасенные заранее деньги. Тогда загул резко заканчивался и мать уходила в себя, становясь вначале молчаливой, а затем – злой. И тогда наступала финальная фаза отходняка: она окончательно отстранялась от мира, переставала ходить на работу, а в ее глазах застывало одно-единственное выражение – смертная тоска. «Смертная тоска на меня напала, сынок, – жаловалась она сыну, поскольку, кроме него, в такие периоды ни с кем не общалась. – Совсем жить не хочется. Так бы и наложила на себя руки, да только ты меня в этом мире и держишь. Маленький ты еще». И однажды, когда он уже подросток, она все же решилась и сделала шаг в неизвестность...

Но сейчас вспоминать об этом Александр не хотел. Его «болид настроения» не стоял внизу американских горок, а с огромным ускорением мчался в сторону вершины. А такие моменты он ценил больше всего.

Взглянув на часы на экране телефона, он с удовлетворением улыбнулся, выключил телевизор и отправился в ванную. Ему до сих пор казалось, что навязчивый запах горелой человеческой плоти остается на его волосах.

С одной стороны, этот запах он любил, поскольку с ним было связано множество приятных воспоминаний. Но с другой – он настолько его бесил своей навязчивостью, что порой сводил с ума. А этого Александр позволить себе не мог. Он любил свободу во всех ее проявлениях. Даже со своими рабынями он никогда не имел продолжительных отношений. Они быстро ему надоедали, причем, как ни странно, покорностью. Правда, бунт и сопротивление с их стороны он также не терпел ни в каком виде. Вот такая была у него дилемма, с которой бесконечно приходилось мириться.

В результате, принимая как данность всю сложность своей натуры, в какой-то момент он решил не идти наперекор себе, а сделать из жизни бесконечную вереницу удовольствий. Ему даже было неважно, как долго он сможет продлить этот праздник жизни. Главнее было то, что эта цель стала его единственным щитом от глубинного страха, терзавшего с раннего детства, от неустроенности в семье, где он вырос, и, в конце концов, от невообразимого ужаса, который он испытывал во времена эпизодов глубокой депрессии. А главное, это был щит от страха собственной смерти.

* * *

Приведя себя в порядок и переодевшись в чистую одежду, в качестве последнего штриха он обильно оросил себя дорогим парфюмом. Прихожую мгновенно заполнил густой, горьковатый, с легкими нотками цитрусовых аромат туалетной воды от «Gucci». Игнорируя благоухание, исходящее от него, Александр стал вновь приноживаться, придирчиво выискивая запах крематория. «Черт, опять, что ли, от меня жжеными трупаками воняет? Или мне это только кажется?» Чтобы избавиться от навязчивого запаха, он достал из пачки сигарету и закурил. Методом проб и ошибок он выяснил, что лишь табачный дым в состоянии затмить мерзкую гарь крематорной печи.

Докурив и сунув в карман куртки ключи от машины, он захлопнул за собой дверь и вышел на улицу. Двор был завален первым снегом, который без малейшего намека на перерыв все сыпал и сыпал с неба крупными, плотными хлопьями. Было слякотно и промозгло. Поздняя осень была для него самым нелюбимым временем года. И обычно самым депрессивным. «То ли дело месяц май», – подумал он, шлепая в утепленных кроссовках «Nike» по раскисшей снежной жиже.

Стараясь не забрызгать штаны и не промочить ноги, он кое-как дошлепал до машины и быстро забрался внутрь. В салоне все еще пахло дорогой кожей. Этот неуловимый флёр новизны витал в воздухе, поскольку автомобиль он купил буквально месяц назад.

Александр прекрасно помнил, как удивились соседи по подъезду, когда увидели, как он выбирается из сверкающего на солнце ярко-красного «Форда-Фокус». Новенькое трехдверное авто выглядело свежо и ярко, но, что намного важнее, контрастно по сравнению с тем ржавым корытом под названием «Фольксваген-Пассат» 89-го года выпуска, на котором он ездил до этого. О старой машине, доставшейся ему полукриминальным путем, он старался не вспоминать. Для себя Александр решил, что все в его жизни – еда, привычки, одежда, авто – должно доставлять ему исключительно приятные ощущения.

* * *

Он притормозил около минимаркета, завернул на стоянку, припарковался на свободном месте и сразу же по привычке начал искать глазами видеокамеры. Будучи по натуре осторож-

ным, мужчина старался без надобности нигде не светиться. А уж во время охоты и подавно. В такие периоды он придерживался еще более строгих правил, заранее изучал окрестности и внутреннее обустройство того заведения, где планировал найти себе очередную рабыню. Вот и на этот раз по уже укоренившейся привычке он специально оставил машину подальше от многоэтажки, где Катя снимает квартиру.

Проклиная слякотную погоду, Александр добрался до подъезда старенькой двенадцатиэтажки и осмотрелся по сторонам. Никого.

Набрав наугад на панели домофона номер квартиры, он нажал кнопку вызова. В ответ чей-то детский голосок поинтересовался, кто звонит. Александр представился соседом, забывшим ключ от подъездной двери. Ребенок поверил убедительно говорящему дяде, и в следующее мгновение раздался щелчок открываемого замка. Долговязый брюнет на всякий случай еще раз огляделся и быстро шагнул внутрь.

Врожденная осторожность, смешанная с нарастающим азартом, всегда порождала в нем особую гремучую смесь ощущений, дающую истинное удовольствие. В предвкушении предстоящей встречи он даже решил на один день отказаться от наркотиков, заменив их успокоительными препаратами. Нашарив в кармане пузырек с таблетками, он отсчитал две штуки и ловко забросил их в рот. Глотать без запивания было как всегда противно, но сейчас ему было не до подобных мелочей. На кону стояла свобода. «Ради дела можно и попридержать коней», – заключил Александр, понимая, что впереди его может поджидать опасность. Обращалась Катерина с заявлением в милицию или нет, он еще точно не знал. Сегодняшняя вылазка носила исключительно разведывательный характер.

Выйдя из лифта этажом ранее, Александр остановился на лестничной площадке. Он решил не торопиться. Закурив, мужчина прислушался. Ничто в подъезде не нарушало тишину. Лишь в квартире рядом какой-то юный меломан сквозь поток ритмичных выкрикиваний солиста отвязной группы «Prodigy», явно пытаясь его перекричать, что-то яростно вопил срывающимся подростковым голоском. «Хорошо, что в подъезде никого», – рассудил он, поскольку в памяти у него еще был свеж случай, приключившийся, когда он выслеживал Шоколадную Аленку.

* * *

Тогда он так же вначале заманил девушку в крематорий, как следует обработал и, наигравшись с ней всласть, полуживую от страха, довез до ближайшей станции метро. Сам же на всякий случай незаметно последовал за ней, хотя уже знал, где она живет. У этой дурехи с собой в сумочке оказался паспорт. Адрес прописки оказался не Московской, а далекой Ростовской области, но столичный штамп о временной регистрации дал ответ на главный вопрос. «Понаехавшая», – усмехнулся он про себя, будучи крайне доволен обнаруженным фактом. Иметь дело с иногородними дамочками ему всегда было проще, чем с коренными москвичками.

Через пару дней, решив навестить новую рабыню, которую уже успел окрестить Шоколадной Аленкой, Александр явился по адресу ее временного проживания. Вызвав лифт, он неторопливо дождался его прибытия. Но в последний момент его что-то остановило. Вместо того чтобы напрямик отправиться к ее квартире, он решил походить по этажам и прислушаться, так сказать, к жизни дома.

И эта осторожность оказалась как нельзя кстати.

Внезапно в подъездной тишине, как раз на том этаже, где располагалась съёмная квартира Алены, звякнул дверной замок и раздался звук открываемой двери. Александр едва успел спуститься по лестнице на площадку между этажами и затаиться за мусоропроводом.

Послышались два мужских голоса.

– Да я быстро. Только куплю сигарет, поесть и попить чего-нибудь. Уже вторые сутки пошли как мы с тобой в засаде сидим.

– Ладно. Только не задерживайся. И мне еще кефира купи, а то от этой сухомятки запоры замучили.

Короткий смешок, хлопнула дверь, грохнули створки лифта, и через пару секунд сложный подъемный механизм начал движение вниз.

Дождавшись, когда неизвестный покинет подъезд, стараясь ступать как можно тише, Александр подкрался к двери Алениной квартиры. Приложил ухо к мягкому дерматину обивки и стал напряженно вслушиваться в звуки за дверью. Ему было одновременно и боязно, и любопытно – мощный выброс адреналина в кровь давал неповторимые ощущения.

Как бы это ни показалось странным, в целом, Александр был крайне доволен вскрывшимся фактом. То, что рабыня ослушалась и обратилась в милицию, его откровенно обрадовало. Теперь он был честен перед собой. Она его предала, а значит, он мог без промедления приступить к приведению в исполнение основной угрозы – отрезать Алене мочку уха.

В том, что телефон девушки находится на прослушке у оперативников, он тоже ничуть не сомневался. «Надо бы завести привычку сразу после развлечения избавляться от симки. Эта, похоже, свое уже отработала. Жаль только, что придется вместе с ней и телефон на выкипштейн отправить», – решил он, с досадой рассматривая старенький кнопочный телефон марки «Моторола», к которому испытывал особую симпатию – это был его первый мобильник.

Вскоре он уже оказался в ближайшем торговом комплексе. «МТС», «Билайн», да хоть у кавказцев в переходе с рук взять – без разницы! Главное, чтобы имелись симки без регистрации», – заключил он.

Но мысли сами собой перескочили на более важную тему: «Надо немного выждать, когда все окончательно уляжется. А вот потом...» От этой мысли в паху мужчины появилась приятная истома. Ох, как он этого ждал!

В итоге все так и получилось. Недели через две засаду с квартиры сняли, а еще через неделю Шоколадная Аленька лишилась мочки уха, а заодно и зрения. Он же ее предупреждал...

* * *

«До поры до времени с Катей, пожалуй, тоже следует быть осторожным. Надо бы сперва выяснить, накатала она заявку или нет», – рассудил Александр и быстро покинул подъезд.

Добравшись до припаркованной машины, он забрался внутрь и закурил. Медленно выпуская изо рта сигаретный дым, маньяк стал рассуждать. «Ломиться к ней домой глупо, да и опасно. А вот на работе она меня вряд ли ожидает увидеть... Хотя это тоже стремный вариант... Или нет?.. Ладно, пожалуй, не буду гнать волну, а просто понаблюдаю за непослушной овечкой. Так мило смотреть на нее и понимать, что ты ее видишь, а она тебя нет. Знать, что в любой момент ты можешь сделать с ней все, что захочешь, а она, очаровашка, ходит как ни в чем не бывало по магазинам, на метро ездит... О, точняк! В метро! – От этой мысли на лице садиста появилась улыбка. – Она даже не подозревает, что ее никчемная жизнь уже давно ничего не стоит. Разве что ровно столько, сколько стоит мое удовольствие от этой игры».

Он снова закурил и достал визитку. На маленьком глянцевом бумажном прямоугольнике, прямо под логотипом компании и юридическим адресом, красивым типографским шрифтом было аккуратно напечатано: «Караваяева Екатерина Сергеевна, менеджер-консультант по вопросам недвижимости». Далее шли рабочий телефон и сотовый. «Ну что, поедем да поглядим на бритую красавицу?» – ощерился в зеркало заднего вида молодой психопат и включил зажигание.

Спустя сорок минут он уже притормаживал около высотного здания на Дмитровском шоссе. Согласно данным с визитной карточки Каравасовой именно здесь и располагался офис риелторской компании, в которой она работала.

Достав сотовый, Александр набрал номер рабочего телефона девушки. В трубке пошли длинные гудки. «...Пять... шесть... десять, – с маниакальным упорством, методично считал он гудки. – Не берет, сволочь, трубку! Неужели с работы уволилась, сучка?» Но тут в динамике что-то щелкнуло, и знакомый голос негромко поинтересовался:

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

Александр сбросил вызов. Он был доволен. Еще бы, как вовремя он тогда приметил визитку на полу крематория! Теперь она давала ему стопроцентный шанс на увлекательное продолжение начатой игры.

Глава 4

1983 год.

Она шла, точнее, плелась, как побитая собака. Хотя, по правде говоря, это не шло ни в какое сравнение с тем, как она действительно себя ощущала. Сутулая, даже сторбленная, женщина неопределенного возраста еле-еле передвигала по асфальту худые бледно-синюшные ноги в высоких гольфах. Она медленно двигалась по улице 800-летия Москвы в сторону панельной девятиэтажки, расположившейся на пересечении с Дубнинской улицей. Ее выгоревшие от постоянного пребывания на солнце рыжеватые неухоженные волосы были небрежно подобраны под бежевую косынку.

В натруженных, загрубевших от постоянного взаимодействия с водой руках она сжимала сетку-авоську. Бутылка кефира с зеленой пробкой из фольги, «чайный» батон, завиток ливерной колбасы и два плавленых сырка «Дружба» – вот и вся нехитрая снедь, на какую сегодня ей хватило оставшихся после последней попойки денег. А ужин себе и сыну готовить было надо.

Маленький Сашка ни в чем не виноват. Это все она, она...

«Это все она, она... водка проклятая», – гнобила себя на все лады угрюмая путница всю дорогу до дома.

Уже неделю она была в завязке. И не потому, что ей самой этого хотелось – нет, она бы еще пила и пила! Просто во время последнего бодуна случилось у нее прозрение. То, что у обычных людей называется совестью, шевельнулось в груди немолодой алкоголички помимо ее воли. Сын, ее единственный свет в оконце, восьмилетний Сашенька, самостоятельно собравшись утром в школу, робко подошел к блюющей в грязный унитаз горькой желчью матери и жалобно спросил:

– Мама, что мне съесть на завтрак? В холодильнике остались только лук и один соленый огурец...

Оторвав от заблеванного «блондина» слезящийся, замутненный после вчерашней попойки взгляд, она непонимающе уставилась на ребенка.

– Чего?.. – только и смогла она выдавить из себя. – Что, совсем ничего не осталось? Неужто пьянь вчерашняя все сожрала? Говорила же им, оставьте ребенку что-нибудь на завтрак...

Но, так и не успев договорить, извергла в жерло унитаза очередную порцию рвотных масс. Обтерев заскорузлой рукой рот, обернулась. Сына позади уже не было.

– Сашка! – слабым голосом позвала она его.

В ответ тишина.

– Сашка! Етить твою мать... – выругалась она скорее на себя, чем на несчастного первоклашку. – Поди, принеси мне воды. Сейчас оклемаюсь немного и в магазин схожу, куплю чего-нибудь тебе пожевать. – Однако, сообразив, что все деньги вчера отдала на пропой, она тут же поправилась: – Или у тети Зины чего возьму взаймы.

Тетя Зина, их соседка, на самом деле была лет на десять младше нее, но в пьяном угаре горемычная выпивоха часто присваивала окружающим людям – даже тем, кто был значительно младше нее, – возрастной титул «дядя» или «тетя». Будучи под градусом она всегда ощущала себя молодой и юной, хотя на самом деле ей шел сорок второй год.

– Сашка! – еще раз окликнула она сына.

И вновь нет ответа. Лишь секунду спустя громко хлопнула входная дверь. Не дождавшись завтрака, голодный Сашка побежал в школу, чтобы не опоздать на первый урок.

– Етить твою мать, – еще раз выругалась Лидия Марковна Юцевич.

Так ее звали в девичестве. И так ее звали теперь. Носить фамилию мужа она категорически отказалась, поменяв ее сразу же после того, как тот загремел в тюрьму. Да не на простую зону, а специализированного типа, поскольку судебно-психиатрической экспертизой был признан лишь частично вменяемым. Оказалось, что муженек имел тайную страсть – насиловал старух, причем в изощренной форме.

«Что же я делаю-то? – закручинилась она. – Сама сдохну, а сына на кого оставлю? Что же я за тварь такая? Нет, я даже не тварь, я тварюга безжалостная, раз такое с родной кровиночкой совершаю!»

В минуты сильного похмелья, когда ей становилось совсем невмоготу, ее часто посещали мысли о раскаянии. Один раз, не выдержав душевных терзаний, она даже сходилась в церковь – а их, действующих, в советской Москве не сказать чтобы было так уж много – и исповедовалась батюшке. На какое-то время стало немного легче, она даже пару месяцев совсем не пила, но, впад в очередную депрессию, опять взялась за старое. Но именно неделю назад – или день был какой особый, или она уже больше не могла вливать в себя дешевое пойло – в голове Юцевич возникла на удивление четкая мысль: надо бросать пить навсегда, ради сына.

Пьянчужка помнила, как в то утро, еще до конца не очухавшись после бурной попойки, она заставила себя встать со старого продавленного дивана и на негнущихся ногах отправиться в ванную. Решительно подержав под холодной водой раскальвающуюся от боли голову, она как могла отжала волосы и вытерла их грязным, давно не стираным полотенцем. Далее, завязав его в некое подобие восточной чалмы, шатаясь от стенки к стенке, Лидка неуверенной походкой двинулась по коридору в направлении кухни.

Когда Сашка вернулся из школы, к его немалому удивлению, на кухонном столе его ждала большая сковорода жареной картошки. Рядом на стуле понуро сидела мать и жалостливо смотрела на него потухшим взглядом.

– Поешь, сынок. Поди, голодный еще со вчерашнего дня...

Обрадованный обедом, даже не помыв руки, мальчишка с жадностью накинулся на приготовленное угощение и съел с голодухи почти половину жарехи.

Наевшись вдоволь и откинувшись на спинку стула, он с любопытством посмотрел на мать. Та же, отвернувшись в сторону, с лицом неестественного бледно-зеленого цвета, едва сдерживала очередной приступ рвоты. И все же, не утерпев, успев лишь на ходу крикнуть: «Чай себе сделай сам!», – она поспешно покинула кухню, зашлепав босыми ступнями в сторону уборной.

Сашка всему происходящему был несказанно рад и ничуть этого не скрывал. Он знал, что с этого момента для него наступает хорошая пора. И ничего, что мать часто будет хмурой и молчаливой, зато в доме всегда будет что поесть. А вопросы еды и игрушек были для него самыми животрепещущими.

Глядя на одноклассников, чьи родители были такими же простыми советскими гражданами, как и они с матерью, мальчик всегда поражался огромной разнице между ними. По сравнению с ним они смотрелись детьми заморских буржуев. Сердобольные мамыши его одноклассников старались хоть как-то поддержать заморыша. Зная, в какой обстановке он растет, они частенько подкармливали Сашку бутербродами с докторской колбасой и угощали шоколадками из местного продуктового, который расположился рядом со станцией. Даже пару раз дарили на Новый год газировку марок «Fanta» и «Pepsi». Но все равно он их недолюбливал. Да и как он мог относиться к ним по-другому, когда их же дети дразнили его обидным прозвищем «Сашка-побирушка»? Он злился, терпел сквозь слезы, но вместе с тем очень боялся, что однажды не сдержится и побьет обидчиков. А это будет означать крах всего, что он имеет. Родители мальчишек вряд ли после этого станут угощать его недоступной дома вкуснятиной и дарить подарки.

Все эти эмоции не шли ему на пользу. В душе малыша из года в год зрел, постепенно превращаясь в новую реальность, отнюдь не детский план мести. И чем больше взрослые делали ему добра, тем больше обиды копилось и тем злее становились Сашкины мысли.

Чем бы это закончилось, предсказать несложно, но в один июльский день все в жизни Сашки перевернулось с ног на голову.

* * *

Воскресный денек принес в Москву назойливую жару, а вместе с ней – сизую дымку выхлопных газов и тягостный запах гудрона от плавящегося под солнцем асфальта. А еще в воздухе ощущалось что-то такое, что возникает в столице лишь летом в безветрие и что седой ученый с заумным лицом из телевизионной передачи «Очевидное – невероятное» обозвал непонятным для Сашки словом «смог».

– Мам, а что такое смог? – сидя на колченогом табурете и от нечего делать болтая ногами, задал он вопрос.

Вяло повернув голову в его сторону, с хрипотцой, столь характерной для заядлых курильщиков, она глухо ответила:

– Ты спроси чего полегче... Я на трех работах вкальваю: в твоей школе полы мою, в летнем кафе на Бескудниковском проезде убираюсь, да еще и в детский сад ночным сторожем на полставки устроилась. Мне, сынок, книжки умные читать некогда – ноги бы не протянуть от таких трудов.

Она облокотилась на спинку продавленного дивана, обессиленно опустила голову на согнутую руку и тяжело вздохнула.

– Вот был бы у тебя батька нормальный, как все мужики, разве мы тогда сводили бы вот так концы с концами? На него, на черта лысого, даже алименты подать невозможно – недееспособный он якобы. На всю свою лысую голову больной. А как бабок в парках окорячивать, так тут он первый мастак.

Она замолкла, ссутулилась и, обхватив себя за плечи руками, застыла со страдальческим выражением лица.

– Мам, а что значит «окорячивать»? – с неподдельным интересом загорелся мальчишка.

– Забудь, – строго, как отрезала, распорядилась мать. – Это я сгоряча сболтнула не подумавши.

Однако забавное слово прочно засело в голове у Сашки. Он даже подумывал сбегать во двор и поинтересоваться у старших пацанов, что оно означает, но в этот момент в дверь позвонили.

Мать нехотя оторвалась от дивана и, пробурчав под нос: «Опять пьянь какая-нибудь приперлась», – отправилась открывать дверь. Любопытный Сашка увязался за ней.

Но в этот раз она ошиблась, это были не ее друзья-забудыги. На пороге стоял незнакомый высокий жилистый мужик с морщинистым лицом и абсолютно лысой головой, сразу же вызвавшей в воображении Сашки образ скелета.

– Здоров, Лидка! Не ждала уже, поди, меня, шалава?

Сашка увидел, как мать мгновенно поменялась в лице, такой испуганной на его памяти она не была еще никогда. Однако испуг прошел так же быстро, как и появился, а потом вечно хмурое и изможденное лицо матери... озарилось искренней радостью!

– Ты ли это? – Юцевич бросилась незнакомцу на шею. – Ива...

Тот грубо заткнул ей рот ладонью и тихо просипел:

– Ты меня с кем-то путаешь. Я не Иван, а его двоюродный брат Сергей. Понятно?

Его глаза недобро блеснули, а верхняя губа хищно подобралась. Теперь мать выглядела растерянной.

– Да как же так-то?.. – только и смогла произнести она.

– А вот так!

Лысый вытащил из кармана паспорт, развернул его на первой страничке и, сунув матери под нос, рявкнул:

– Читай, дура!

Глаза матери забегали по строчкам.

– Сергей Николаевич... – пролепетала она и закашлялась, видимо, подавившись собственной слюной. Прочистив горло, Юцевич боязливо посмотрела на лысого и, кивнув на Сашку, осторожно произнесла: – Сережа, познакомься, это твой сы... – Она прервалась и испуганно уточнила: – Мой сын Сашка. Ему уже восемь...

Подняв руку вверх, гость прервал речь матери. Он закатил глаза, зашевелил губами и, что-то подсчитав в уме, значительно подобревшим взглядом посмотрел на мальчишку.

– Ну, здравствуй, Сашка. А я папкин брат двоюродный, дядя Сережа. С сегодняшнего дня буду тебе вместо отца. И жить я буду с вами. Если будешь послушным хлопцем, мы с тобой поладим. Но учти: если что не по-моему сделаешь... – Он легонько взял двумя пальцами Сашку за ухо, чуть потянул вверх и, ухмыляясь и растягивая слова, пропел: – Сашко за ушко, да на солнышко...

Испуганный мальчишка не мог произнести ни слова.

– Молчишь? Это правильно. Будем считать, ты меня понял. А теперь, малек, брысь отсюда! Нам с мамкой надо посидеть, покалякать о том о сем.

Лысый сальным взглядом поглядел на мать, а та, разомлев от намека, повела себя и вовсе неммыслимым для нее образом. Она покорно опустила глаза и раскраснелась, словно провинившаяся школьница в кабинете директора.

Приняв это как должное, новоиспеченный глава семьи по-хозяйски сбросил свои стоптанные запыленные туфли посреди прихожей и деловито прошагал на кухню. Поставил старенький дорожный чемоданчик на кухонный стул, раскрыл его и вытащил оттуда нехитрые гостинцы: две бутылки водки, банку консервов «Бычки в томатном соусе», колечко краковской колбасы и плитку молочного шоколада, которую, немного поколебавшись, вручил Сашке.

– Лидка, разбирай закуску! Будем встречу отмечать и мое...

Он осекся и как-то странно огляделся по сторонам. Подойдя к настезь распахнутому окну, он закрыл его и зачем-то защелкнул на шпингалет.

– Возвращение мое, короче, праздновать будем, – закончил он негромко и, строго зыркнув на Сашку, угрожающе цыкнул: – Ты почему все еще здесь? А ну, мелкота, брысь к себе в комнату!

Испуганный мальчишка пулей выскочил в коридор. Правда, убежать Сашка не стал, а, прижавшись к стене, притаился. Отсюда ему было хорошо слышно, как мать, чуть замаявшись, извиняющимся голосом пролепетала:

– Ва... Ой!.. Сереж, я это... не могу... Я в завязке уж неделю...

Раздался грохот удара кулаком по столу. Испугавшись за мать, Сашка тихонько выглянул из-за угла и увидел, как побагровевший от злости гость угрожающе наклонился над ней и, слегка шлепнув ее пальцами по затылку, взревел как раненый зверь:

– Ты че щас сказала?!

Та в страхе лишь отпрянула в сторону и прижалась к стене рядом с мойкой.

– Сереж, только не это... Не надо, не начинай... – испуганно затараторила она. – Сашка ведь все слышит. Давай по-хорошему, как раньше. Не сердись на меня, я сделаю все, что ты скажешь. Любую прихоть, любое пожелание, что хочешь, только сына не пугай.

Видимо, ощутив на себе взгляд, лысый резко повернул голову в сторону двери и уставился на побледневшего Сашку. Тот был ни жив ни мертв. Сменив гнев на милость, мужчина криво ухмыльнулся практически беззубым ртом и миролюбиво заключил:

– Запомни, сынок, бабы любят, когда ими командуют. Это мой первый тебе урок. Заруби себе на носу, что я тебе сказал. Понял?

– Понял, – едва слышно, одними губами прошептал Сашка.

– Молодец, – похвалил он мальчишку. – Весь в меня пойдешь, в колкинскую породу. Мы, Колкины, всегда хваткими были. – И, строго взглянув на мать, скомандовал: – А ты, Лидка, чего стоишь, как статуя? Почему стол до сих пор не накрыт? А ну, беги за рюмками, а то шас зашумлю по-настоящему!

Подскочив, как ужаленная, Юцевич выскочила из кухни и помчалась в зал, к серванту с посудой. Там стояли сервизы и наборы, подаренные им с отцом еще на свадьбу. Доставала она их исключительно по большим праздникам. Даже в периоды длительных запоев мать никогда не позволяла собутыльникам ничего оттуда брать.

Мужчина уселся за стол и достал из кармана пачку сигарет «Астра».

– На-ка, Сашко, отведай моих любимых «погар». Кури, не бойся. Ты мужиком расти собрался али бабишкой какой, на передок слабой?

Он подмигнул, с хитрецей поглядев на растерявшегося мальчишку.

– Конечно, мужиком... – проямлил Сашка, с интересом вертя в руках сигарету без фильтра.

Все дело в том, что сбитый с толку пацан совершенно не знал, какой стороной ее нужно засовывать в рот. Помявшись еще немного и сообразив, что это не имеет большого значения, он осторожно сжал ее губами.

– Молодца, – одобрил Колкин и чиркнул спичкой о коробок.

Спустя час пьяные вдрызг супруги, не придумав ничего лучше, устроили безудержный разврат прямо на кухонном столе. А бедный Сашка, ведомый детским любопытством, затаив дыхание, подсматривал за ними в щелку неприкрытой до конца кухонной двери. Все, что вытворяли взрослые, было ему в диковинку, очень страшно, но интересно.

Однако больше всего его поразило другое. Несмотря на все унижения, что испытывала в эти минуты его мать, выглядела она на удивление... счастливой. «Женщины любят, когда ими командуют», – повторил он про себя первый отцовский урок.

Глава 5

Расположившись на водительском сиденье, Колкин-младший – Александр после трагической смерти матери взял себе фамилию отца – с огромным удовольствием жевал двойной гамбургер из ближайшего «Макдоналдса». Не теряя времени даром, он решил немного подкрепиться, совместив, так сказать, приятное с полезным. Сколько придется сидеть в засаде, он не знал.

Несчастливая Катюша, так и не придя в себя полностью после произошедшего с ней в субботу кошмара, не придумав ничего лучшего, отправилась после трудового дня лечить расшатанные нервы бесцельным походом по магазинам. Осторожный маньяк решил вслед за ней пока не идти, хотя горел огромным желанием это сделать. Вместо этого Александр занял выжидательную позицию в автомобиле на парковке. Он отлично знал, что вход в «Мегу», ее коридоры и торговые залы на всех этажах, все кафешки, бары и даже технические помещения – все просматривалось камерами наблюдения службы охраны. Следовательно, если бы Катя обнаружила слежку, то, изъяв записи с камер, сотрудникам уголовного розыска не составило бы большого труда быстро вычислить Александра со всеми вытекающими последствиями. Особенно учитывая столь яркую примету – высоченный, под два метра, рост. И хотя «баскетболистов», как в шутку он называл стропил наподобие себя, в Москве хватало с избытком, вопрос поиска человека с такой приметой значительно упрощался.

Но самое главное – его фото наверняка попало бы на контроль в службу безопасности метрополитена, а вот это уже было бы полным крахом его задумки. Без ежедневных поездок в метро, на одной только машине по стоящей в бесконечных пробках столице, он долго не продержится. Сорвавшись во время очередного эпизода неизбежной депрессии, он наверняка натворит фатальных ошибок и попадет в лапы к ментам.

Но думать сейчас об этом он не хотел. Куда больше его интересовала новая рабыня. В том, что Катя выйдет из «Меги» через центральный вход, Колкин ничуть не сомневался – это был кратчайший путь к ближайшей автобусной остановке. К тому же, как обмолвилась она в ночь их знакомства, личного транспорта у нее нет, как и водительских прав.

«И все же, есть небольшие риски», – здраво рассудил Александр, нервно потирая кончики пальцев. Сегодня он был абсолютно чист, а потому тревожен и подозрителен. «Сегодня у меня только слежка, а все удовольствия оставлю на потом, – подбадривал он себя и вместе с тем успокаивал. – Но когда все будет готово...»

От этой мысли он ощутил приятное возбуждение, хотя понимал, что оно сейчас явно не к месту. Сладостные позывы наверняка вызовут эротические фантазии, а те непременно начнут отвлекать его от главного на сегодня дела – выяснения домашнего адреса рабыни.

Чтобы немного отвлечься от похотливых мыслей, Колкин включил радио. Двое разгоряченных от собственных перлов радиоведущих оголтело спорили о новом саундтреке группы «Black Eyed Peas» под названием «Let's Get It Started». Вслушиваясь в их пустой треп, Александр начал понемногу успокаиваться и незаметно для себя углубился в детские воспоминания.

* * *

Спустя месяц после того как отец «откинулся» – хотя, как узнал Александр позднее, все это время батя находился в психиатрической больнице специального типа с интенсивным наблюдением (ПБСТИН), – он решил взяться за ум. Для этого по паспорту своего двоюрод-

ного брата он устроился на работу на спецавтобазу Тимирязевского района, в часть санитарной очистки города.

Как рассказала Сашке потом мать, внешне отец и его брат были на одно лицо. «Колкинская порода», – любил обычно гордиться этим фактом Колкин-старший в сильном подпитии. Сам же его двоюродный брат, Сергей Николаевич Колкин, на тот момент числился без вести пропавшим. Его жену, кстати, тоже через год выловили из речки Лобня в ближнем Подмосковье. Но это так, к слову. Сашку в ту пору такие мелочи не интересовали.

Для него важнее было то, что у него объявился отец-сиделец. Результат не заставил себя ждать. Вскоре все дворовые мальчишки изменили свое отношение к нему и стали относиться к Сашке с заметной опаской, сразу же перестав задирать и дразнить.

Одним словом, жизнь в доме Колкиных забурлила.

Работал отец посменно – то на мусоровозе, то на грузовике «ЗИЛ», оснащенном будкой-«душегубкой» для перевозки бродячих животных. Из-за такой специфики работы после каждой смены от него отвратительно пахло. Но в отличие от Сашки мать зловония словно не замечала: чем грязнее и вонючее был отец, возвращаясь с работы, тем сильнее она о нем заботилась. А как же – труженик ведь домой вернулся!

Но это было бы еще полбеды. Через некоторое время до нее стали доходить слухи, что батя вновь взялся за старое.

Помимо патологической тяги к пожилым женщинам, после каждого акта изнасилования он считал необходимым обязательно осмотреть старушке рот. Если там он находил гнилой зуб, то все – держись, бабуля! – непременно выдергивал его подручным инструментом. Обычно для этого он использовал плоскогубцы, которые всегда носил с собой. Именно на этом он и погорел в семьдесят пятом. Когда милиция нагрянула к нему в квартиру, в целлофановом пакетике, запрятанном глубоко на антресолях, обнаружилась коллекция человеческих зубов. С легкой журналистской подачи его тогда окрестили Тимирязевским Стоматологом.

Проведя долгие восемь лет в спецпсихлечебнице, отец значительно поуменел. Коллекцию зубов больше не собирал, да и с обычных старушенций переключился на иной контингент. Бомжихи, алкоголички и нищенки – все те, кто в немалом количестве обитал в районе мусорных полигонов, – стали теперь для него добычей. Однако долго скрывать свои похождения он не смог – мать догадалась, зачем ее муженек устроился на такую грязную работу. Правда, истерик она не закатывала, а тихо смирилась со своей участью и продолжила безропотно сносить его новые «подвиги».

Однако на второй год походов Колкина, когда он наградил жену сифилисом, она не выдержала и в порыве отчаяния глотнула уксусной эссенции. Умереть ей врачи не дали, зато Юцевич заработала жутчайший ожог пищевода, который, дав осложнение, перешел в стриктуру. Теперь каждый прием пищи стал для нее сущим мучением. Но, надо отдать ей должное, она долго крепилась, принимая исключительно жидкую пищу.

И все же, спустя несколько лет, впав в очередную депрессию, она так и не смогла из нее выкарабкаться. Она повесилась на лоджии на бельевом шнуре. Сашке тогда шел семнадцатый год.

На поминках отец напился как свинья, даже скупую слезу пустил. Однако на следующий день как ни в чем не бывало торжественно объявил сыну, что теперь они заживут еще лучше и, что главное, значительно богаче.

Во-первых, как он сказал, ему удалось наконец-таки найти достойную работу, о какой он всегда мечтал.

– Деньги сами рекой потекут в мой карман, – громогласно заявил батя. – Меня, сынок, взяли не куда-нибудь, не на стройку-помойку, а в самое лучшее место на свете! С понедельника я приступаю к работе кочегаром в крематории на Юго-Западной.

Поскольку на дворе стоял 1991 год, выводы относительно перспективности такой работы отец сделал на удивление правильные. Эпоха, которую позднее с чьей-то легкой руки окрестили «лихими девяностыми», только-только набирала обороты. А потому скажем так: немалое количество неизвестных тел с тех пор сгорело в печи того самого крематория.

– А во-вторых, – победоносно продолжил отец и как-то странно подмигнул сыну, – неделю назад померла тетя Тамара. Сечешь, о чем я?

Сообразительный шестнадцатилетний подросток быстро сделал правильные выводы, хотя благоразумно промолчал. Да и зачем будить в отце зверя? Ну, померла родная сестра матери – туда ей и дорога. Для него ведь батя старается. Для единственного наследника рода Колкиных.

– Вот, Сашко, такие дела. Наследство на нас свалилось. У тети Тамары детей не было, да и мужа она давно похоронила. Значит, что получается? А получается, что ты единственный законный наследник ее капиталов и двушки на Преображенской площади! А чего? Райончик хороший, обжитой. Метро опять-таки, под боком. Как восемнадцать тебе, обалдую, стукнет, так туда и переедешь. Будешь жить как кум королю. А я, пожалуй, тут останусь, – мечтательно вздохнул бывший зэк. – Нравятся мне эти места. Есть что вспомнить...

И с безмятежной улыбкой отец задымил любимой «Астрой».

* * *

Противный звук навязчивой рекламы вывел Александра из воспоминаний о детстве. Он тряхнул головой и шумно отхлебнул через трубочку густой молочный коктейль. Вкус клубники и молока сразу же приятно защекотал нёбо.

«Надо позвонить бате и спросить у него про спеца, – напомнил он сам себе и усмехнулся. – Интересно, остался ли кто-нибудь в обойме из «старых»? Сам-то батя – специалист исключительно по лохматым сейфам. А чтобы ключики к Катиной квартирке подобрать, мне требуется опытный медвежатник».

Взяв в руки сотовый, он набрал знакомый номер.

– Привет, старый хрен! Спишь, что ли, уже? – в привычной для себя манере начал он разговор с отцом. – Дело у меня к тебе. Мне ключики к одному замочку подобрать требуется.

В трубке послышалось недовольное кряхтение.

– Да не ссы ты, заплачу твоему человеку как надо. И тебе, пенсионеру, естественно, за помощь обломится.

Абонент на том конце стал заметно повышать голос.

– Ладно, старый, давай не пыли. Пошукай лучше нужного человечка, лады?

Александр отвел от уха телефон и нажал кнопку громкой связи. Не прошло и секунды, как салон автомобиля огласился прокуренным старческим голосом:

– Сашко, вот ты дятел! Опять куда-то влип?.. Ладно, хрен с тобой, помогу еще разок.

И абонент отключился.

Молодой мужчина самодовольно улыбнулся, опустил боковое стекло и ловким щелчком пальцев выкинул очередной окурок на мокрый асфальт. Потом, немного подумав, открыл бардачок и достал оттуда затемненные очки. Он их примерил, покрутил головой перед зеркалом заднего вида и, оставшись доволен результатом, натянул на голову вязаную шапочку. Однако этого ему показалось мало, и вдобавок к ней он набросил на голову капюшон. «Так намного лучше», – заключил он и вылез из машины.

На свежем воздухе ему снова захотелось курить. Без малейших раздумий сунув в рот очередной «Самел» без фильтра, он жадно закурил. Затем еще, а потом еще.

Без порции амфетамина он чувствовал себя вялым и слабым. В такие минуты лишь сигареты оставались его единственным спасением. Из каждой порции никотина он усердно пытался

выжать хотя бы крохотный заряд энергии. Все остальное – легальное и непротивозаконное – ему помогало мало. Традиционные кофе и чай как средство взбодриться он вообще не считал за достойные напитки. Они не помогали ему ни в каком виде и ни в какой степени крепости. Он их практически и не пил. Предпочитал покупать энергетики вроде – смех, да и только! – рекламируемой по телику бодяги под заманчивым названием «Red Bull».

При воспоминании о нелепой рекламе тонизирующего напитка Колкин непроизвольно хмыкнул. Из глубин памяти всплыл отличный рецепт, как по-настоящему замутить реальный энергетический коктейль с этой «дурилкой для лохов». Для этого надо...

Однако в следующую секунду он напрочь позабыл обо всем. Стекло двери супермаркета раскрылись, и из торгового центра на промозглый осенний воздух вышла его главная на сегодня цель по имени Катя. Словно ощутив на себе чей-то пристальный взгляд, Караваева беспокойно закрутила головой по сторонам. Видимо, не обнаружив ничего подозрительного, Катя крепко зажала в руках пакеты с покупками и быстрым шагом двинулась в сторону автобусной остановки, от которой до ближайшей станции метро курсировал транспорт. Дождавшись, когда она отойдет подальше, Александр, выдерживая приличную дистанцию, неспешно двинулся следом за ней.

Вести слежку в общественном транспорте он умел почти виртуозно. Это вам не торговый центр, где людишки движутся не спеша, разглядывая витрины. Но особенно ему нравилась слежка в метро. Там вообще все иначе. В метро имеются лишь направление и скорость течения людских потоков. Пассажиры, как правило, движутся строго по выбранному маршруту, никуда от него не отклоняясь, и в едином ритме. Даже его высоченный рост там не был помехой. «Жираф большой, ему видней», – вспомнилась ему известная песенка Высоцкого, которую отец любил напевать, когда приходил с работы в особо хорошем настроении.

Тем временем Катя зашла в салон подъехавшей зеленой рейсовой «гармошки». Увидев это, Колкин заметно ускорил шаг и, подскочив к задней двери автобуса, шустро проскользнул внутрь.

Теперь девушка находилась от него всего в каких-то пяти шагах. Однако бедняжке даже не могло прийти в голову, что человек, воспоминания о котором вызывали у нее приступы животного страха, уже приступил к очередному этапу своей жестокой игры.

Глава 6

Наступила долгожданная пятница, конец, как ей показалось, самой тягостной и длинной за весь год рабочей недели. Сегодня было двадцать девятое октября, а значит, очень скоро начнется череда коротких, но столь долгожданных праздничных деньков.

Правда, на этот раз предстоящие ноябрьские праздники Катю совсем не радовали. По вполне объяснимой причине ей не хотелось оставаться одной в пустой квартире в ставшей для нее враждебной Москве. Катя очень надеялась, что смена обстановки поможет ей забыть тот ужас, который она недавно пережила, поэтому мечтала поскорее покинуть пределы столицы.

Противная физиономия извращенца-садиста до сих пор стояла у нее перед глазами. «Сволочь, гад, козел, тварь!» – обзывала она своего мучителя всеми словами, какие только приходили на ум. Однако это помогало мало – его вытянутое бледное лицо она видела в каждом случайном прохожем.

Караваева с тяжелым вздохом закрыла рабочую программу и выключила ноутбук. Экран погас, но она так и осталась сидеть на месте, бессмысленно уставившись в черную матовую поверхность. Она чувствовала себя потерянной и опустошенной.

«Эта мразь обрила мне голову...» – никак не могла успокоиться молодая женщина. Помимо воли рука сама потянулась к голове. И хотя проблему с волосами она решила довольно быстро и просто, сделав прическу а-ля Шинейд О'Коннор, от поселившегося в душе страха это ее не избавило.

«А вдруг он меня найдет? Откуда я знаю, может, в ту ночь он следил за мной до самого подъезда. Ведь я практически ничего не помню». – Эта мысль не отпускала ее ни на секунду все эти дни.

Действительно, Катя плохо помнила, что происходило после того, как она потеряла сознание. Окончательно она пришла в себя лишь в такси, когда водитель азиатской наружности на ломаном русском попытался добиться от пассажирки, куда ее требуется отвезти. Не помня, как, она продиктовала ему адрес и вновь погрузилась в безвременье и даже не заметила, как они доехали до ее дома в «ближнем замкадье».

Расплатившись с таксистом, она, как сомнамбула, зашла в подъезд и поднялась на лифте на свой этаж. Одежду она сбросила прямо на пол прихожей. Запах крематория был настолько невыносим и отвратителен, что ежеминутно вызывал у нее приступы тошноты.

Катя забралась в ванну и включила горячую воду. Ее бил крупный озноб. Омерзительный запах крематорной печи, казалось, намертво въелся в кожу. Даже нежный аромат персика и ванили ее нового геля для душа ничем не мог помочь.

Устав бороться с мерзкой гарью, наспех вытерев тело и волосы махровым полотенцем, она легла в постель и с головой забралась под одеяло. Мокрые пряди неприятно холодили плечи, постоянно напоминая о безобразной проплешине посередине головы. Но ей сейчас было на все наплевать. Немного пригревшись, обессилившая девушка провалилась в забытие.

Утро оказалось не радостнее вечера. Оно принесло сильную головную боль и ощущение разбитости во всем теле. Но, самое главное, утро принесло тревогу. Едва проснувшись, Катя начала терзаться сомнениями: мог маньяк проследить за ней или нет?

В итоге, не совладав с нервами, она помчалась в ближайшее отделение милиции. И хотя там сказали, что беспокоиться пока не о чем – мол, как он ее найдет, если не знает ни адреса, ни телефона, – страх, как строгий ошейник, с каждым днем все сильнее и сильнее сжимал ей горло.

А теперь еще этот странный звонок в понедельник. Кто-то позвонил и, помолчав, быстро повесил трубку. «Вдруг это был он? – тревожилась Катерина всю неделю. – Хотя с чего бы? Такое ведь часто случается. Может, кто-то ошибся номером, а затем, сообразив, что попал не

туда, просто повесил трубку. Может, конечно, и так, а может, и... Нет, не может! Не верю!.. Но почему же мне тогда так страшно?..»

Терзаясь подобными мыслями и не находя ответов, Катя и не заметила, как добралась до своего съемного жилища. Она поднялась на свой этаж, подошла к знакомой двери под номером 64 и достала из сумочки ключи.

Звяк!

Связка упала на коврик. Катя наклонилась и подняла ключи.

Однако кое-что ее насторожило. Коврик, который перед уходом на работу она тщательно вымела и вытряхнула, сейчас был перепачкан свежей, слегка подсохшей грязью.

«Стоп! Только без нервов! Может, это кто-нибудь по делу приходил, – пыталась она успокоиться, лихорадочно придумывая оправдания обнаруженной улике. – Ну, не знаю, почтальон, например... Или из ЖЭКа... Опять-таки сантехник местный... Или кто из соседей заходил что-нибудь узнать. Да мало ли кто! Зачем сразу паниковать?»

Потоптавшись с минуту в нерешительности около двери, Караваева осторожно вставила ключ в замочную скважину и дважды повернула против часовой стрелки. Замок щелкнул, и дверь с легким скрипом отворилась.

Катя прислушалась.

Тишина.

Все еще боясь зайти внутрь, она начала лихорадочно думать, как ей поступить дальше. Слабый свет лампочки этажной площадки тускло освещал часть прихожей, оставляя во мраке остальное пространство квартиры.

Внезапно в голову пришло оригинальное, как ей показалось вначале, решение. Не заходя в прихожую, она просунула руку в дверной проем и нашарила на стене выключатель. «Ага, вот он!» – обрадовалась она.

Щелк!

Прихожая озарилась мягким свечением встроенных потолочных светильников.

Никого.

«А кто тут должен быть? – удивилась она сама себе. – Вот дуреха, совсем от страха голову потеряла».

Катя смело шагнула в прихожую. Сняла куртку, повесила ее на вешалку, стянула с ног осенние сапоги...

И только собралась пройти в зал, как в этот момент в глубине квартиры раздался какой-то подозрительный, едва слышный стук. От этого приглушенного стука Катюша задрожала всем телом. Она вначале даже подумала, не выскочить ли обратно на лестничную площадку, но тут до нее дошло, кто мог быть источником шума.

Трехлетний красавец сфинкс по кличке Тюфяк, в возрасте десяти месяцев расставшись в ветеринарной клинике с мужскими амбициями, целыми днями занимался лишь тремя важными для него вещами: ел, спал и лениво смотрел в окно. Результат такого неспешного образа жизни не заставил себя долго ждать. К трем годам милый котик наел порядка шести килограммов живого веса, что, с учетом полного отсутствия шерстяного покрова, сделало его внешность весьма оригинальной. Тюфяк вызывал улыбку у каждого, кто его видел. Да и кличка подходила коту как нельзя лучше. Катя в животинке души не чаяла, баловала кота, как маленького ребенка.

Вдобавок к лишнему весу Тюфяк обзавелся еще и прескверным характером, поэтому тот факт, что жирный котяра не вышел встречать хозяйку, не стал для нее чем-то из ряда вон выходящим. Скорее это было обыденным явлением как следствие банальной кошачьей лени.

– Кс-кс-кс, – позвала кота девушка.

В комнате опять что-то скрипнуло.

– Вот ты лентяй, Тюфяк! – улыбнулась Катя. – Ничего, я знаю, как тебя расшевелить, котярзик.

Она порылась в принесенном из супермаркета пакете и достала оттуда упаковку с кошачьим кормом. Пошуршав оберткой, она еще раз позвала кота. Результат остался прежним: животное откровенно ее игнорировало. «Уж не заболел ли он?» – забеспокоилась Катя и направилась в зал, откуда доносились странные приглушенные звуки.

Она протянула было руку, чтобы включить в комнате свет, но от сюрприза, поджидавшего ее там, замерла на месте. Ее любимец лежал на полу посреди зала в неестественной позе, разбросав лапы в стороны, и со свернутой набок головой. Кот не шевелился и не подавал признаков жизни.

– Тюфяк! – испуганно вскрикнула Катя и бросилась к коту.

И в то же самое мгновение чья-то крепкая рука в медицинском латексе крепко зажала ей рот. Схватив ее в охапку, неизвестный с силой прижал руки девушки к телу и притянул к себе. В голове у Кати помутилось, в глазах замелькали белые «мухи». Омерзительный и, как ей показалось, по-змеиному шипящий, сладострастный мужской голос прошептал ей в ухо:

– Привет, Катюля-кисуля. Я вижу, у тебя новая прическа? Для меня постаралась? – Говоривший противно захихикал. – Ты успела по мне соскучиться? А по моим ласкам?

Последнего вопроса Катя уже не слышала – ее глаза медленно закатились, и она обмякла. Не ожидавший такой реакции Колкин в первый момент еле удержал ее от падения. Но, что-то прикинув, он улыбнулся и раскрыл объятия. Тело Катерины сползло вниз, с глухим стуком ударилось об ламинат и распласталось рядом с трупиком ее любимца. От удара головой девушка застонала.

С минуту она пребывала в полубабытьи, но затем открыла глаза. Обведя комнату затуманенным взглядом, Катя попыталась понять, где она находится. Получалось довольно плохо. Мысли путались, сильно болела голова и почему-то не получалось шевелить губами. Однако последовавший смачный шлепок по щеке быстро привел ее в чувство. До нее дошло, что она находится все там же, в своей съемной квартире, но на сей раз – в лапах жуткого маньяка.

За короткий промежуток времени, пока она находилась без сознания, Колкин успел не только залепить ей скотчем рот, но и обмотать липкой лентой запястья и голени. В попытке освободиться от пут перепуганная до смерти пленница начала извиваться, как змея, но в результате смогла лишь отползти в угол комнаты. Теперь она ощущала себя мухой, попавшей в паутину восьмиллапого убийцы.

Осознав безвыходность своего положения, Катя зарыдала. Скотч сильно мешал плакать, и в какой-то момент она почувствовала, что захлебывается собственными слезами.

Тем временем Александр уже начал допрос.

– Ну что, детка, уже успела заложить меня ментам? – со злостью поинтересовался он, поправляя на руках медицинские перчатки.

Это движение напугало ее больше, чем само нападение. Она отлично помнила слова о наказании в случае непослушания.

Катя отчаянно замотала головой. Лицо садиста скривилось в недоверчивой улыбке.

– Точно? Не врешь?

В ответ Катерина утвердительно закивала. Не в силах что-либо произнести, она лишь ритмично издавала носом всхлипы-похрюкивания, что, вероятно, должно было означать «да».

– Хорошо, поросеночек, хорошо. Не нужно так сильно хрюкать. Силы тебе сегодня еще пригодятся.

Было заметно, как заходили ходуном его руки – Колкин начинал входить в раж. Чтобы немного успокоиться, он взял Катю за мочку уха и небрежно, словно играясь, помял ее пальцами. В ухо девушки на индийский манер были продеты три маленьких золотых колечка-пирсинга. Колкин решил с ними поиграть – начал поочередно оттягивать, а затем резко отпускать.

– Эх, жаль такую красоту отрезать, – резюмировал садист с покрасневшим от возбуждения лицом. – Но если ты мне соврала...

Из глаз Кати вновь брызнули слезы.

– Не реви, дуреха! Будешь ныть – глаза выколю! – с каким-то особым наслаждением произнес маньяк последнюю фразу.

Внезапно тишину квартиры пронзила ритмичная трель телефонного звонка. От этих безобидных мелодичных звуков глаза девушки тревожно забегали из стороны в сторону. Колкин с любопытством посмотрел на нее. Неподдельный испуг, промелькнувший в глазах рабыни, конечно же, не ускользнул от его внимания. Он прекрасно знал, что означает подобный взгляд. А означать он мог лишь одно – рабыня изо всех сил старается что-то скрыть от своего господина.

Он вышел в коридор и, порывшись в Катиной сумочке, извлек телефон. На экране мобильного высвечивалось имя звонившего. «Опер Седов», – прочитал он, искренне удивляясь простоте и наивности жертвы, не придумавшей ничего лучшего, кроме как записать контакты угрозовца таким вот образом.

Вернувшись в комнату, Колкин поднес экран к Катиным глазам. Увидев надпись, девушка зажмурилась и сжалась комочком, словно в ожидании удара. Это определенно развеселило Колкина. Однако бить связанную и лежащую на полу рабыню он не хотел. Ну что это за удовольствие? Да и зачем, собственно? Ведь впереди ее ждала куда более болезненная процедура, а его – непередаваемое по ощущениям удовольствие.

Терпеливо дождавшись, когда «Опер Седов» сбросит вызов, Александр зашел в меню телефона. Выбрав пункт «Написать сообщение», он набрал пару строк только что звонившему абоненту: «Не могу говорить. Все в порядке, он не появлялся». Клик! Эсмэска полетела оперативнику из уголовного розыска. Спустя десяток секунд Седов подтвердил: «ОК».

Удовлетворенно кивнув, Колкин приступил к основной задумке. Достав из кармана раскладной швейцарский нож, он раскрыл его и оценил остроту заточки. «Безупречно. Даже ойкнуть не успеет», – оценил на глаз филигранно заточенный клинок садист.

Маньяк шагнул к бьющейся в углу в истерике Кате. Грубо наступив ей одной ногой на грудь, он с силой прижал ее к полу и, присев на корточки, ухватился за ее левое ухо.

– Скажи, девочка: чи-и-из!

В следующую секунду брызги алой крови обагрили недавно поклеенные обои съемной квартиры.

– Не реви! – гаркнул он в лицо Катерине. – Поздно ныть и слезы проливать! К тому же зачем они тебе теперь, когда глаз у тебя больше нет?

Глава 7

– Седов, ты что, debil?! – Прокурорский следователь по особо важным делам по фамилии Власенко, уперев руки в стол, с угрозой подался вперед и уставился тяжелым взглядом на молодого оперативника. – Как можно было заранее не обговорить с потерпевшей систему ответов на вопросы? Всегда же существует вероятность, что маньяк выследит жертву и совершит повторную попытку нападения! – От расправившего его возмущения грузный мужчина с трудом подбирал правильные слова. – Если бы ты сразу догадался, этот сучок сейчас сидел бы здесь, в моем кабинете, а не расхаживал по Москве в поисках очередной жертвы! Ты хоть это понимаешь?!

Молодой парень спортивного телосложения молчал, понуро опустив коротко остриженную голову на могучую грудь.

– Это уже третье нападение чертова психа за последние три месяца! И заметь, Седов, он не просто психопат – это маньяк, повернутый на определенные ритуальные действия! Он сначала обривает жертв, затем отрезает мочку уха, а тем, кто его послушался, – выкалывает глаза. Это что ж за изверг такой у нас завелся?.. Старлей, ты хоть понимаешь, что это может означать?

Не в силах больше сдерживаться, оперативник встрепенулся и, кинув быстрый взгляд на следователя, глухо ответил:

– Да, Геннадий Петрович, я все отлично понимаю. Маньяк входит во вкус. Он почувствовал безнаказанность, и... это чревато тем, что он может пойти намного дальше. Если уже не пошел... И это будет страшнее первых экспериментов.

– Конечно, ты правильно рассуждаешь, теоретик. – Власенко покраснелся и начал нервно разминать пальцы рук. – Только вот, ты, наверное, не знаешь, Седов, что меня уже второй раз за этот месяц вызывают в Генеральную прокуратуру на ковер к начальству. Мы ведь с тобой живем и работаем не где-нибудь в Урюпинске, а в столице нашей Родины. И нашим генералам очень не нравится, что рядом с ними, с их женами и детьми по улицам разгуливает новый Чикатило. Ты понимаешь, о чем я, Седов?

– Так точно, Геннадий Петрович! – отрапортовал старший лейтенант и отвел глаза в сторону.

– Так точно, так точно... – уже намного спокойнее передразнил его Власенко, после чего обратился ко второму присутствовавшему здесь же человеку: – А вы, Михаил Альбертович, что на это скажете? Как нам дальше быть? Ну, имеется у нас словесный портрет преступника, и что? Вы только вдумайтесь – описание преступника дано жертвами, которые никогда больше не смогут опознать его на очной ставке, поскольку он их ослепил! Я надеюсь, вы понимаете, что в качестве доказательства в суде другой вид опознания – да тот же голос мерзавца! – будет в разы меньше весить. А у нас до сих пор даже его отпечатков пальцев нет – стервец творит свои дела в медицинских перчатках. И, что намного важнее, не оставляет никаких биологических следов. Нет ни спермы, ни слюны, ни крови, ни волос – ничего у нас на него нет. Да он этих баб даже не насилует в обычном понимании! Вот что плохо! – Поймав себя на мысли, что сказал откровенную глупость, следователь в сердцах воскликнул: – Черт, да что за околесицу я несу!

Он полез в тумбочку, достал оттуда боржом, налил себе в стакан и залпом его опустошил. Изжога, мучившая с самого утра, до сих пор не желала успокаиваться. «А все эти проклятые сырники, которые теща на завтрак приготовила! Вот дернул ее черт в гости приехать! Сидела бы дальше в своих Чебоксарах, и бед бы никто не знал! Уж скоро восемьдесят пять стукнет – так нет, по внукам, видите ли, соскучилась бабушка! А о том, что внуки уже давно переженились и живут отдельно, она как-то подзабыла. И мне теперь расхлебывай за всех».

Из размышлений о семейных неурядицах его выдернуло тактичное покашливание в углу кабинета.

– Да, на чем это я остановился, Михаил Альбертович? – уточнил Власенко и, нахмутив взлохмаченные брови, строго продолжил: – Ага... Что все это означает, господа муровцы? А то и значит, что мы имеем дело не с рядовым сверкачом-онанистом из подворотни, а с умным жестоким извращенцем. Итак, что будем делать? Какие есть идеи, Михаил Альбертович?

Мужчина со строгим лицом под шестьдесят, в звании подполковника милиции, неопределенно качнул головой.

– Зацепиться нам пока не за что, это факт. Разве что, особая примета – преступника выдает его высоченный, под два метра, рост, да одевается он для маньяка довольно нетипично – дюже ярко. Плюс – это мы выяснили у потерпевших со стопроцентной достоверностью – этот парнишка балуется наркотой и посещает ночные клубы. – Подполковник нервно потеревил лежащую перед ним папку из кождама. – Согласен, Геннадий Петрович, что пока не особо густо, но хоть что-то. На безрыбье, как говорится, и рак – рыба. Уточненный фоторобот предполагаемого преступника мы разослали по всем отделам ГУВД Москвы, а также по линейным отделам милиции на транспорте. И конечно же, ознакомили с ним сотрудников Московского метрополитена. Пока результата никакого нет.

Докладчик взял небольшую паузу, деловито раскрыл папку, вынул оттуда лист бумаги и протянул его Власенко. Это был тот самый фоторобот предполагаемого маньяка.

– Ну и рожа... – неприятно протянул следователь по особо важным делам. – Как только с такими кренделями молодые девахи знакомятся? У него же на лбу крупными буквами написано: «Я опасен»...

– Видимо, именно эта черта и привлекает определенный тип женщин, – неожиданно вмешался в разговор молодой оперативник. – По крайней мере, такую версию мне высказали психологи-криминалисты, которые работают с жертвами этого упыря. Девушки изначально были бессознательно нацелены именно на такой тип мужчин, поскольку, вероятно, имеют явный или скрытый комплекс потенциальной жертвы.

Власенко удивленно приподнял брови и уставился на летеху.

– Седов, ты где это таких умоностей нахватался? Книжки, что ли, по психологии в свободное от службы время читаешь?

Голос следователя стал вновь повышаться, и в нем отчетливо проступили гневливые нотки.

– А руководство по оперативно-разыскной деятельности еще разок проштудировать не пробовал?!

Однако очередной выброс кислого содержимого из желудка прервал гневную речь следователя и быстро понизил градус напряжения в диалоге. Власенко закашлялся и торопливо отхлебнул прямо из горлышка пару крупных глотков минеральной воды.

Немного придя в себя и отдышавшись, он кивнул в сторону подполковника:

– Продолжайте, Михаил Альбертович.

Тот снова что-то перелистнул в своей папочке и достал очередной документ. Это был еще один отпечатанный на черно-белом принтере снимок.

– В том ночном клубе, где наш маньяк знакомился с жертвами, мы изъяли видеозаписи с камер наблюдения. Сейчас наши специалисты изучают их. Правда, надежды на то, что мы получим качественное изображение лица преступника, честно признаться, маловато. Он крайне осторожен и тщательно маскируется. Складывается такое впечатление, что ему отлично известно, где в помещении располагаются камеры. И хотя никто его так и не опознал, один бармен вспомнил, что похожий тип не раз бывал в их заведении. И опять-таки, запомнил он его исключительно благодаря высоченному росту, – резюмировал подполковник и перешел к следующему разделу. – К сожалению, поиск по номеру сотового нам ничего не дал, сим-

карты ублюбок меняет регулярно, строго после каждого нападения. Да и трубки он использует, видимо, разные. Сотовые операторы помочь ничем не смогли, разве что выяснили, что последний раз запрашиваемый нами абонент появлялся в сети где-то в районе станции метро Юго-Западная. Кстати, хочу отметить одну важную деталь: в том районе есть два крематория, государственный и частный. Однако на сегодняшний день все поиски человека с подобной внешностью среди работников этих предприятий нас ни к чему не привели. На территории этих крематориев никто этого типа не видел. Что еще добавить?.. – Он с сомнением пожал плечами. – Ищем, одним словом, гада...

– Ищите лучше, Михаил Альбертович, четвертый месяц ведь орудует. – Власенко нервно заходил по кабинету. – А нам с вами сроку отвели – ровно до Нового года. И если мы его не отыщем, то... полетят чьи-то погоны, в этом я точно могу вас заверить!.. Седов, что у тебя по первой жертве, которой все-таки удалось сохранить зрение на один глаз? Отыскал ее?

– Никак нет, Геннадий Петрович. Домой в Калужскую область гражданка Ковалева так и не вернулась, поскольку находится в ссоре с родителями. Я пробовал с ней связаться, но ее телефон не зарегистрирован в сети. Возможно, она сменила сим-карту... Правда, ее соседка по московской квартире уверяет, что после случившегося она тронулась умом. Перед отъездом сказала, что собирается в какой-то монастырь, мол, там ей, калеке, теперь и место.

– Эх, Седов, Седов... – вновь начал сокрушаться старший следователь по особо важным делам. – Таковую свидетельницу профукал! Ищи-свищи ее теперь по всей стране! – Он вздохнул и тяжело опустился на стул.

– Геннадий Петрович, есть у меня одна идейка насчет маньяка. Можно я вам ее озвучу? – осторожно поинтересовался оперативник.

– Валяй, – безразличным тоном бросил Власенко, рассматривая фото предполагаемого преступника.

– А если нам показать эти видеозаписи специалистам по криминалистическому профилированию из соседнего ведомства? В Америке и Европе уже давно к расследованиям привлекают таких специалистов. Они даже название особое получили – профайлеры.

Власенко оторвался от фотографии и угрюмо уставился на Седова.

– Старший лейтенант, еще раз спрашиваю: ты где таких умных слов нахватался?

На мрачном лице прокурорского следователя впервые за все время промелькнула едва заметная улыбка.

– Профайлер...

Казалось, что Власенко пытается попробовать это слово на вкус. Он немного причмокнул губами, сглотнул, но, видимо, вновь ощутив дискомфорт в пищеводе, с гримасой недовольства буркнул:

– И много ты у нас таких спецов знаешь?

– Так это... – начал было оправдываться старший лейтенант.

– А я таких спецов повидал на своем веку немало, – авторитетно заявил седой следок. – Нет, конечно, среди них есть толковые ребята, как, например, профессор Бухановский из Ростовского медицинского университета. Кстати, тот самый, который в свое время выступал экспертом по делу Чикатило. Этот человек определенно смог бы нам помочь. Но запомни, сынок, одну важную вещь: для того чтобы эксперт смог расколоть маньяка, требуется этого самого маньяка поймать и доставить в соответствующее учреждение. Вон, научно-исследовательский институт имени Сербского у нас в Москве наверняка с превеликим удовольствием возьмет к себе на экспертизу подобного субчика. Только, Седов, для начала его нужно поймать. А ты... – Власенко с досады махнул рукой. – А ты ценных свидетелей уберечь не можешь!

– Геннадий Петрович, виноват! – все никак не успокаивался досужий оперативник, который, хотя и чувствовал себя виноватым, по-прежнему горел огромным желанием поймать преступника. – Но ведь опытный профайлер – он по одним лишь движениям тела, по языку жестов,

по мимике – да бог знает по каким еще другим, не столь очевидным для дилетантов признакам! – сможет набросать психологический портрет садиста. А это даст нам ряд дополнительных преимуществ в по...

– Седов! – не сдерживаясь, снова прикрикнул на подчиненного Власенко. – Ты, давай, не теоретизируй, а поймай хоть кого-нибудь! Вот тогда будет тебе и профайлер, и прочие! Кого угодно для дела найдем! Запомни одно, старлей: сперва требуется задержать злоумышленника. Понимаешь? Поймать нужно этого сукиного сына! Все остальное – потом. Заруби это себе на носу. – Он поднялся из-за стола, окинул присутствующих решительным взглядом и твердо заявил: – Все, товарищи, совещание окончено, все могут быть свободны.

Опечаленный неудачной попыткой внести новизну в ход расследования, старший лейтенант Алексей Седов, одними губами произнеся «так точно», отправился выполнять распоряжения начальства.

Глава 8

На ноябрьские праздники Колкин вновь задумал навеститься в «Миранду». Это место, как он считал, идеально подходило для него в качестве охотничьих угодий. А свое нынешнее занятие он считал азартным развлечением, достойным только избранных. Ни больше ни меньше. Единственное, что его смущало, – это вероятность спалиться по глупости на какой-нибудь уличной камере наружного наблюдения. А таких «гляделок» в столице расставлено немало – практически на каждом углу, особенно в центре города. Это был по-своему азартный и увлекательный процесс. Своего рода вид спорта: найди и обмани. И если он обнаруживал очередную лазейку вне зоны покрытия видеонаблюдения, далее уже ничего не опасался.

Правда, так бывало не всегда, порой ему приходилось пользоваться посторонней помощью. Например, благодаря знакомому охраннику в «Миранде» он заранее выведал, где в ночном клубе расположены скрытые камеры. Даже тот день для посещения клубешника, «технопятницу» с ее рейв-вечеринкой, он также выбрал неспроста. На подобные отжиги народ приходит неординарный, яркий, а порой и откровенно чудной, поэтому появление на танцполе молодого человека с ковбойской повязкой на лице никого особо не удивило. Раз чудак прошел фейсконтроль, значит, все окей, пусть отжигает как его душе угодно. Тут и не такое порой встречалось, особенно во время закрытых вечеров.

Подойдя к знакомому охраннику по кличке Бык – своему бывшему однокласснику в железнодорожном училище, ныне гордо носящем звание Колледжа железнодорожного и городского транспорта, – Александр дружески протянул ему руку.

– Здоров, Бык, держи краба! Часовые Родины не спят?

По старой школярской привычке он постарался сразу же задеть приятеля за живое, но тот отреагировал спокойно.

– Здорова, Кол. А санитарские санитары все санитарят? – насмешливо парировал здоровяк, поглядывая снизу вверх на длиннющего брюнета. – Не ходил бы ты пока в наш клуб...

Бык взял многозначительную паузу и, хитро прищурившись, пристально посмотрел гостю в глаза. Под черной обтягивающей футболкой охранника бугрились, в прямом смысле слова, горы мышц.

– А что так? Фейсконтроль сегодня не пройду? – усмехнулся Колкин, уже нутром почуяв опасность.

Бык явно что-то задумал. Он отлично знал этого простофилю в обличье Геракла.

– Да нет, Кол. Тут, по ходу, менты тебя ищут. Бумажкой с твоим фотороботом всем в нос тычут. Ты бы подстригся, что ль... да хоть под гопника. – Он нервно гыкнул. – И сутулься сильнее, глядишь, тогда тебя здесь точно никто не узнает.

Александр вмиг напрягся. Если уж Бык стал с ним так разговаривать, значит, дела и вправду серьезные. Да и шутка про стрижку «под гопника» была точно не из репертуара качка. На юмориста он явно не тянул даже в качестве реквизита для сцены. Чувство юмора у него никогда не поднималось выше уровня кухонной табуретки.

– А ты... Ты им, надеюсь, ничего про меня не рассказал? – как можно спокойнее задал он вопрос и нарочито лениво достал из пачки сигарету.

Колкин едва сдерживал себя от распирающего негодования. Его аж потряхивало, когда он прикуривал сигарету. «И это фуфлю будет передо мной пальцы гнуть?!» – не на шутку рассердился он, хотя внешне старался быть само спокойствие.

– А что я? Я им пока еще ничего не рассказывал. – Бык взял театральную паузу, но, будучи плохим актером, как следует ее не выдержал и, зыркнув глазами по сторонам, поспешно добавил: – Но это пока. Ты сам подумай, Кол: чего я тебя сдавать стану, если ты мне до сих пор проигранные двести баксов не вернул?

На лице маньяка заиграли желваки. Колкин с трудом сдержался, чтобы не врезать этой горилле по зубам. В такие минуты, когда в нем начинал закручиваться смерч эмоций, он становился так вспыльчив, что частенько терял самоконтроль. Что и говорить, если он мог даже кинуться в драку с явно превосходящим по силе противником. Только теперь Александр отлично понимал, что сейчас крайне неподходящий момент, чтобы начать драку. К тому же известие о разыскивающих его ментах очень быстро отрезвило буйную голову тридцатилетнего мужчины. «Вот сучок, каким был жмотом, таким и остался. Только бабло его интересует. Это что ж получается, не будь я ему фанеры должен, он меня запросто сдал бы?» – рассудил он и озлобился на охранника еще сильнее.

Демонстративно выпустив дым в лицо приятелю, Колкин как бы нехотя изрек:

– Слушай, Бык, я свое слово всегда держу. Скажу по-чесноку, мне просто некогда было к тебе в клубешник заскочить. На вот, держи.

Он достал из кармана брюк-джоггеров три смятые сто долларовые купюры. Одну протянул охраннику, а две другие спрятал обратно. Но затем, видя, как недовольно вытягивается лицо Быка, насмешливо фыркнул и передал ему две оставшиеся банкноты. Бык быстро собрал купюры в кулак, после чего с вопросительным видом уставился на приятеля.

– Чего так смотришь, Бык? Сотня сверху – это компенсация за то, что я тормознул с долгом, – добродушным тоном изрек длинноволосый брюнет и, приблизив свое лицо вплотную к лицу охранника, перешел на шепот: – А если ты и впредь будешь держать подальше от ментов информацию обо мне, то с меня еще две сотни сверху капнут.

Охранник продолжал молчать.

– Что, мало, считаешь? – искренне удивился Колкин, поражаясь растущим аппетитам приятеля.

– Дешево ты себя оцениваешь, Кол. За такие дела, что ты творишь, на зону лучше не ходить. Сам, наверное, знаешь, что тебе там светит?

Бык собрал ладонь в кулак, а другой сделал по нему пару быстрых хлопков. Александр мгновенно вспыхнул, руки непроизвольно сжались в кулаки, а холодные голубые глаза хищно сузились.

– Что ты хочешь за свое молчание? – процедил он сквозь зубы, едва контролируя себя.

– Не кипятись, Кол. Я знаю, что у тебя новая тачка, а вот моя совсем уж развалилась, – нагло пялясь поросячьими глазками, уверенно заявил вымогатель. – Давай махнемся?

Дальше торговаться Колкин не собирался, поскольку уже все для себя решил.

– Лады, – только и произнес он.

Ему было хорошо известно, что Бык как товарищ крайне ненадежен да к тому же еще и патологически жаден. А значит, как только он получит тачку, скорее всего, за какие-нибудь другие коврижки – какие ему наверняка посулили угрозовцы – на следующий же день сдаст приятеля со всеми потрохами.

– Бык, я с тобой свяжусь в пятницу. Тогда и передам тачку, ключи и все документы. А сегодня, пожалуй, схожу в какое-нибудь другое местечко, раз уж ты говоришь, что беспокоен тут у вас. Москва – она ведь большая... – С огромным трудом выдавив из себя улыбку, он сделал вид, что собирается уходить, но затем с издевкой снова обратился к охраннику: – А ты до сих пор Машку шпилишь или наконец-то посерьезнее дамочку склеил?

От этих слов Бык помрачнел и злобно взглянул на долговязого клоуна.

– Кол, ты меня специально хочешь позлить? Мы с Машей недавно официально расписались, чтоб ты знал.

– Пардон, дружище. Вот уж и вправду, я ни сном ни духом, что у тебя с ней все так серьезно. Совет вам да любовь тогда, – насмешливо проговорил он, наблюдая, как продолжает злиться Бык. – Теперь понятно, почему Рем так часто видит тебя в Люберцах. Ты к ней жить, что ли, перебрался?

– А если и к ней, то что? – насупив брови и шумно засопев, откровенно «забычил» охранник, полностью оправдывая свое погоняло. – Кол, тебе-то какая разница?

– Бык, не парься, это я так, к слову пришлось. Ничего личного. Бывай. До пятницы.

Он небрежно уронил окурок под ноги охраннику, развернулся и двинул по Большому Златоустинскому переулку в сторону станции метро «Лубянка». Праздничное настроение было окончательно испорчено. С этой минуты он более не ощущал себя в безопасности.

«Ладно, Бык, ты сам напросился», – мрачно решил Колкин, спускаясь в метро.

* * *

Убийство Быка далось ему на удивление легко. И хотя это было первое в его жизни тяжкое преступление, прошло оно гладко, без сучка и задоринки. К тому же к своей задумке он решил подойти со всей серьезностью, на какую только был способен. Больше всего его интересовал вопрос, каким образом можно быстро, тихо и незаметно завалить в людном месте здорового накачанного мужика.

Все сантименты, что он много лет знал его лично и тот когда-то был его приятелем, Александр отставил в сторону. Ничто не шевельнулось в пустой душе хладнокровного убийцы, когда он приступил к разработке кровавого плана. Единственное, что вызывало у него досаду, – очень короткий срок. Привести приговор в исполнение требовалось как можно скорее. Но и с этим он справился на ура.

Однако больше всего его удивил факт, что накануне убийства он почувствовал необычное и очень приятное нервное возбуждение. Словно ему предстояло не лишиться человека жизни, а сыграть в одну из тех увлекательных компьютерных игр, которыми он баловался время от времени, когда совсем было нечем себя занять.

Стоит отметить, что обычные квесты, стратегии, симуляторы и прочая геймерская белиберда его не увлекала. Александр любил исключительно те игры, в которых для умерщвления врага использовалось холодное оружие. Каждый раз, садясь за компьютер, он искренне сожалел, что в его детстве не было подобных развлечений. Хотя прекрасно понимал, что в любом случае они были бы не по карману его семье. Возможно, именно поэтому в полной мере он увлекся компьютерными играми, когда ему уже перевалило за двадцать пять.

Для убийства приятеля геймер-любитель не стал придумывать ничего экстраординарного. Хорошенько взвесив все за и против, он решил поступить просто: подло, но эффективно. Поскольку теперь он знал, где живет Бык, подкараулить качка не составило для него большого труда.

«Странное, конечно, дело, – рассуждал Колкин, продумывая детали убийства, – Машку-Огонек перетрахало, наверное, пол-Москвы, а замуж она выскочила за этого недотепу. Даже я к ней когда-то на огонек заглядывал. Забавно...» Долговязый брюнет улыбнулся получившемуся каламбуру «зайти к Машке-Огонек вечером на огонек».

Через три дня после состоявшегося возле «Миранды» разговора, темным холодным ноябрьским вечером, в подмосковных Люберцах под окнами старенькой пятиэтажки был обнаружен труп молодого мужчины с проломленным черепом. Пять глубоких вдавленных переломов костей свода черепа, полученных от ударов обычным молотком из строительного магазина, быстро свели в могилу большого любителя столичных качалок и фитнес-клубов. «Против лома нет приема, – любимой поговоркой своего папаши констатировал смерть приятеля убийца, но, немного подумав, добавил: – Если нет другого лома. У тебя, Бык, его не было, так что, извиняй».

«Нет человека – нет проблемы», – вспомнил он еще одну любимую отцовскую поговорку. Хотя теперь он точно знал, что ее придумал не батя. «Да какая, впрочем, разница? – рассуж-

дал состоявшийся убийца, попивая у себя на кухне прямо из горлышка «Jack Daniel's», чтобы немного успокоить нервы. – Главное, что в тему. А тема у меня теперь новая...»

С удивительной ясностью Александр осознал, что сегодняшнее убийство окончательно сорвало у него крышу. Точнее, даже не крышу. Оно сорвало все маски, за которыми он много лет пытался скрыть свое истинное «я».

Эта правда оказалась проста и вместе с тем жутковата: убивать ему не просто понравилось – с этого момента он стал буквально обуреваем идеей совершить нечто подобное с очередной непослушной рабыней. Да-да, именно с новой рабыней. Старые в счет не шли, поскольку к ним он уже успел остыть и они его больше не интересовали. Ему хотелось новизны и ярких эмоций.

Немного пофантазировав, Колкин наметил себе новую цель. «Она обязательно должна быть с медно-красными волосами. Ну, или в крайнем случае рыжими, как у мамы», – твердо решил маньяк.

Глава 9

Однако, как только адреналиновый драйв и послевкусие от убийства Быка немного поутихли – примерно, недели через две, – Колкин всерьез обеспокоился проблемой с московским уголовным розыском. Конечно, он предполагал, что рано или поздно муровцы сядут ему на хвост и тогда придется что-то менять в наработанной схеме, но все равно это известие стало для него неприятным сюрпризом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.